

84(2=632.1)6
У435

Борис Укачин

ВЕТКА ГОРНОГО КЕДРА

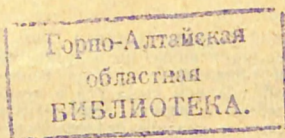
~~90/1~~

Борис Укачин

ВЕТКА ГОРНОГО КЕДРА

СТИХИ И ПОЭМЫ

Перевод с алтайского

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1974

84/200-1146-5144
С(Сиб)
У435

0 569020 ✓

Национальная
библиотека
Республики Алтай
им М. В. Чевалкова

Укачин Б. У.

У43 Ветка горного кедра. Пер. с алт. М., «Сов. Россия», 1974.
144 с.

В настоящий сборник стихов и поэм входят лучшие произведения Бориса Укачина, написанные им в разное время.

Его стихи привлекают прежде всего своеобразной образностью, рожденной воображением сына гор и лесов. Но главное, что отличает поэта — это умение выразить драматическое состояние души, напряжение воли, силу и красоту человеческого духа. Богатый и сложный мир нашего современника нашел отражение в представленных в этой книге поэмах.

у 70403—276
М—105(03)74 167—74

С(Сиб)

© Издательство «Советская Россия», 1974 г.

5-УБУ-ВГК-74

20.08.2006

БОРИС УКАЧИН, ЕГО РОДИНА И ЕГО ПОЭЗИЯ

Однажды ночью, в первом часу, в дверях нашей квартиры раздался звонок. Я открыл и увидел коренастого, крепкого, черноволосого веселого молодого человека. Это был Борис Укачинович Укачин, тогда мне еще совершенно не знакомый. Он пришел просить перевести его стихи.

На мои недоуменные вопросы Укачин ответил, что обычным путем (по телефону) и в обычное время я, наверное, отказался бы его переводить. А так, может быть, не откажусь.

Я прочитал подстрочки и не отказался.

То был едва ли не первый год учения Укачина в Литературном институте Союза писателей. Он трудно привыкал к Москве, к ее быту, морали, условностям. Все ему хотелось делать напрямую.

В тайге очередей нет. Предварительная запись по телефону в снегах Горного Алтая не практикуется.

С тех пор прошло много лет. Укачина перевели русские поэты. Как в тысяче других случаев, русский язык перевода сделал алтайца доступным всему нашему, как его называл Юлиан Тувим «народу ста народов». Пятьдесят с лишком тысяч алтайцев живет в нашей стране. Это одна пятитысячная нашей четверти миллиарда. Благодаря переводам число возможных читателей Укачина выросло в пять тысяч раз.

Примерно четверть его стихов перевел я сам. Перевод невозможен без вчитывания, вдумывания, вчувствования в текст оригинала. Он позволяет узнать о поэте и поэзии многое.

В стихах Укачина мне явственно видятся две струи — Горный Алтай и Москва, точнее, русская культура.

Сначала об алтайской теме.

Хочется напомнить, как впервые алтайское искусство стало известно русским людям.

Это было еще в петровские времена. В 1715 году по случаю рождения царевича прославленный уральский горнопромышленник Никита Демидов поднес царице «богатые золотые бугровые сибирские вещи». То были выкопанные из алтайских курганов литые поясные бляхи и шейные гривны. Прележавшие сотни лет в земле, металлические и деревянные изображения людей и зверей Алтая прославили сокровищницы Эрмитажа. В наше же время эти кони, эти горные бараны, эти маралы, волки и орлы кажутся сошедшими со страниц Укачина.

Сын колхозного бригадира-скотовода, Укачин родился и вырос в горах Алтая рядом с его людьми и природой. Звери и птицы гор — и живые и мифологические, живущие только в преданиях, алтайская тайга, быстрые грохочущие реки и заснеженные перевалы описаны Укачиным с натуры, как с натуры резали и отливали зверей и птиц древние скифские мастера. Трудно говорить об изучении жизни, о вторжении в жизнь в применении к этим стихам. Они — частица жизни, частица вечной алтайской природы и частица алтайской нови, меняющегося с каждым годом Советского Алтая.

Возьмем стихотворение «Гроза над далекой стоянкой».

«Бесконечный дождь льет, льет и льет. И позавчера и вчера он лил, и сегодня льет, льет и льет. Над стоянкой небо тихое какое-то, серое какое-то. А над юртой дым тоже серый потихоньку тянется и потом теряется в сером небе».

На далекой горной стоянке, отрезанной ливнями от всего мира, стонет и мечется больная девочка. Стонет и мечется ее мать, ждущая давно вызванного врача: «Гонец, ускакавший за врачом, со вчерашнего дня не возвращается. Осенняя дорога нелегка. Нависшие над юртой облака — им конечно все нипочем — сыплут, сыплут дождь и качаются».

На что же жалуется, скажем точнее, чего же требует сегодняшняя алтайская крестьянка? Она говорит: «Ветеринаров полно! Зоотехников полно! А врача просим давно! Врача днем с огнем не

найдешь! Сколько ни ждешь — не едет! Между тем, продолжается дождь. Девочка бредит».

Разве возможно было такое сто, даже пятьдесят, даже тридцать лет тому назад? Новый Алтай — это врачи, это автомобили, доставляющие их на самую далекую стоянку, это учителя, окончившие московские и новосибирские институты, это ветеринары и зоотехники, которых, как говорит героиня стихотворения, «полно». Это, наконец, печатная поэзия — книга, вошедшая, едва ли не в каждый дом мараловода, охотника, земледельца.

Рядом с новым Алтаем у Бориса Укачина Алтай вечный.

В одном из лучших своих стихотворений «Свети» он говорит:

«Эту ночь я проспал высоко в облаках. Мое ложе — гора. Грудь мою переполнили ветры тайги до утра. До утра шелестела трава о себе. И деревья рассказывали о себе, о звериных делах и о птичьих делах. До утра сказки сказывались, до утра. Эту сказку нигде никогда не слыхала еще детвора. Где-то рядом мой конь до утра хрумкал травы свои. И уздечка его мне отделкой напомнила спинку змеи. Выли волки в округе, но я беспечально заснул. Потому что великие горы не снимали всю ночь караул. Никогда я так долго не спал и так сладко не спал. Никогда таким легким себя я не знал, таким бодрым не знал. Голубой парус неба раздулся во всю широту. Я прошелся, размялся, позвонки ломая хребту. Подо мною внизу далеко-далеко от меня юным небом умылись молоденькие зелены. По лесам и оврагам, а их без числа на Алтае, пробирались бесчисленные реки Алтая, шумя и болтая...»

Преисполняешься гордостью за народ не только живущий среди такой красоты, но и нашедший веские слова для ее воплощения в стихи. А ведь алтайской письменности — сто с небольшим лет. Алтайской литературе — и того меньше.

Здесь мы подходим ко второй важнейшей теме Укачина — к теме Москвы, к теме общесоветской помощи алтайцам.

Наряду с тружениками гор и тайги, одна из наиболее описанных Укачиным профессий — студенты московских вузов Тимирязевки и Литературного института, литераторы, агрономы, инженеры.

Ускоренное развитие литературы невозможно без ускоренного развития самой жизни. Учеба в столице, московские годы молодых алтайцев становятся у Укачина символом общности со всей большой родиной, символом благодарности ей за науку.

Литературный институт в Москве, где рядом с Укачиным учились и Рубцов, и Передреев, и Шкляревский, где преподавали не только древнерусский и языкознание, но также нормы нравственности и правила обихода, становится для Укачина Школой с большой буквы, постоянным и благодарным воспоминанием. Русский язык — не просто второй язык, но язык ежедневного общения и ежедневного чтения. Даже любимый Назым Хикмет известен Укачину не в подлинниках, а в переводах русских поэтов. Впрочем, и сам Назым читал бы эту книгу в русских переводах — слишком далеко разошлись за последнее тысячелетие алтайский и турецкий языки.

Учась в Москве и, позднее, вернувшись в родную область, Укачин много переводил. Особенно Лермонтова. Несомненно, что «Мцыри» поведал ему очень много о зверях и горах, «Демон» очень много о горах и небе. В отрывистом напряженном стихе баллад Укачина мне тоже видится нечто от «Мцыри».

В книге алтайского поэта — два источника поэтического питания. Один связан с прекрасным знанием эпоса, до сих пор бытующего в горах, бытующего в собственной семье Укачина. Алтайские сказания он слышал и от матери и от стариков-односельчан. Та часть стихов, которая коренится в эпической традиции, переведена главным образом поэтами Елисеевым, Плитченко, Фоняковым.

Другая струя — влияние русской и мировой поэзии, в особенности Лермонтова, но также Маяковского, Назыма Хикмета, Межелайтиса. Многие из стихов этой линии перевели Фоняков и я.

Таковы некоторые замечания, которыми хотелось предварить книгу Бориса Укачиновича Укачина, где все ясно, где все просто, все демократично и, в конечном счете, все говорит само за себя.

Борис Слуцкий

1

2

Осень. В поле пустынно и дико.

Лес, листву обронивший,

стоит неподвижный, немой.

Побурели долины вокруг моего Каярлыка.

Хоть еще ни снежинки — откуда-то пахнет зимой.

Паутинки висят, серебристы и чутки.

Птицы к югу летят косяком.

Мать, печально вздохнув, подшивать начинает обутки:

— Хватит бегать, сынок, босиком!

3

Как не хочется мне подниматься с постели!

Под овчиной свернувшись, остаточный сон берегу.

Слышу матери голос:

— Встань, сынок! Все поля побелели!..

Снег. И зайцев следы на снегу.

Как просторно, светло!

Острых елок чернеют верхушки,

Достающие до облаков.

В лес пойду,

буду ставить ловушки

Для хитрющих зверьков — колонков...

4

Все на свете проходит

По тропкам, долинам, полянам

И зима понемногу свое отскрипит

Под охотничьей лыжей,

Под полозом санным,

Под миллионами лап и копыт.

На рассвете прохладна подушка.

Кони ржут за окном,

возвещая рождение дня.

— Встань, сынок! Слышишь — в чаще кукует кукушка!..—

Мама утренним голосом будит меня.

5

Коли стану в себе разбираться —

Что в истоках своих я найду?

Ни певцов, ни сказителей славных, признаться,

Не упомянется в нашем роду.

Если ж все-таки стал я поэтом,

И звучит мое слово в дорогах, в трудах, на пирах,—

Я обязан судьбой

незабвенным рассветам,

Зимним, летним,

весенним, осенним рассветам,

Не закатам, не полдням,

а только рассветам

В наших добрых алтайских горах!

Я — горного кедра колючая ветка!
Расту. Зеленею. И с первого дня
Гроза надо мной пролетала нередко,
И молнии косо метали в меня.

Я знаю: цветут по долинам березы.
Я знаю: шумят в городах тополя.
Там ветры потише, помягче морозы.
Там корни щедрее питает земля.

Но я вот привычней к суровой природе,
К неласковой почве, к высотной свободе,
Где вровень со мною орлицы парят.
Не мне, извините, расти в огороде,
Не мне, уступая погоде и моде,
Менять по сезону свой цвет и наряд!

Люблю на осеннем рассвете проснуться,
Услышав раскатистый выстрел ружья.
Люблю — пусть единожды в год! —
прикоснуться

К руке зверолова, шершавой, как я.
Когда же в долины устало и хмуро
Спускается сумрак — люблю до утра
Предания слушать под звуки топшура,
Дыша горьковатым дымком от костра...

Секло меня, било дождями и снегом,
Но я продолжаю — назло! — зеленеть.
Я — горного кедра, одетого небом,
Колючая, гордая, крепкая ветвь!

В расщелины камня вцепившись корнями,
Упрямые соки по жилам гоня,
Зажег он меня, как зеленое пламя...
Из сердца однажды он создал меня!
Как ветер ни свищет, как выюга ни злится —
Мне стойкости хватит на битву с судьбой.
Я с кем-нибудь даже смогу поделиться...
Мой друг неизвестный!
Быть может, с тобой?

ПУТЬ ЯЗЫЧНИКА-АЛТАЙЦА

Я — алтаец, человек древний,
Так с чего же это я буду
Петь распятому Христу гимны,
Магомета почитать, Будду?

Ведь они передо мной — дети!
Без богов самим собой ставший,
Поклонялся я горам, рекам
И огню — они меня старше.

Я с природой был всегда дружен,
Я вверял ей свой земной жребий.
Из таких ручьев я пил воду,
Что не снились и богам в небе.

Ночью слушая свое сердце,
Слышал смутно я веков гулы,
Наклоняясь к озерцам горным,
Видел древнего лица скулы.

...Я — алтаец, человек древний!
В нашем веке, дав коню шпоры,
Перепрыгнул я веков бездны,
Перепрыгнул я эпох горы.

Обошел я, миновал бога!
Вечен я, а всякий бог — тленен!
Путь мой — с братьями вперед, к звездам!
Идеал мой — человек: ЛЕНИН!

РОЖДЕННЫЕ ВЕСНОЙ

В сторону анкеты!

Суть — в одной

Истине, чей свет нам драгоценен:

Все, друзья, мы родились весной —

Той весной,

когда родился Ленин.

...Волга билась в берег. Вся дрожа,

На ветру

капель роняла ветка.

Русь плыла, как тяжкая баржа,

Сквозь туман трагического века.

А в долинах, где Катунь-река

Льется, вся от неба голубая,

Умирало счастье бедняка,

Как цветы под сапогами бая.

Старый мир бесправия и зла,

Смог ли ты почувствовать

глубоко,

Что в тот день

через тебя легла

Трещина,

чуть зримая до срока?

Пролегла средь уличных дворцов,

Потянулась к тюрьмам и

кордонам,

Тронула фундаменты творцов,

Снизу вверх взбежала по

колоннам...

Дед мой, спину гнувший до земли,
От работы в кровь стиравший
руки,
Знал ли ты, что в день тот обрели
Счастье
неродившиеся внуки?

Будоража старое жите,
Паводком врываясь на просторы,
Шла весна —
и первый гром ее
Грянул с борта
крейсера «Аврора»...

В сторону анкеты!
Суть — в одной
Истине, доказанной на деле:
Все, друзья, мы родились весной,
В том
бессмертном
ленинском
апреле!..

СВОБОДА

Свобода!
Девятое мая сегодня,
Весна, и светает,
И свежие листья свисают
Над полой водою —
Свобода!

С весною
Наполнятся соками корни.
Как солнцем разбуженный школьник,
Потянутся к облаку кроны.
И, руки простерши
В сияющие просторы,
Взойдя на алтайских вершин
Голубые престолы,
Ступайте по свету, деревья,
Сплетайте приветствие лету, деревья,—
Свобода!

Свобода!
Коровы, примявши весенние травы,
Бока раздувают.
Шальные телята, ягнята кудрявые
В пятнашки игру затевают.
Степные былинки,
Обвейтесь вокруг солнечной нити
И к небу глаза поднимите,
До облаков вырастайте,
Взлетайте —
Свобода!

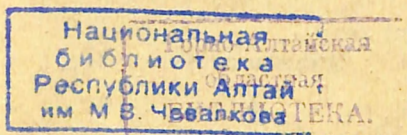
Свобода!
Как плеткой по синему ситцу,
Крылами захлопали птицы,
А твари земли —
Червяк пропыленный,
Семейство хвостатых полевок —
В немом удивленье
На волю, на воздух весенний
Из нор своих темных пришли.
Свобода!

Свобода!
И тело мое — как тугая пружина,
Горячая кровь закружила по жилам,
Под парусом неба
Речная прозрачная нега,
Танцуют у берега волны,
А я на песке,
Как первая строчка на чистом листке,
Задумчив и хмелем небес переполнен.

Как будто во всем мирозданье
Теперь ни границы, ни грани,
Никто никого не изранит,
Просторы спокойны,
Просторны поля, позабывшие войны,—
Свобода!

Свобода!
Кукушка считает годы,
И солнце в зените.

Девятое мая сегодня,
Ручьи, по степи прозвените,
Весна, зеленей и цветы,
Ты ж, солнце, свободу навек ощути.
Свобода!

569020 220651.

СТАРИК

Осень листья желтые роняла,
Но еще далек был первый снег.
Сотню лет прожив — совсем немало! —
Умер на Алтае человек.

Умер дед, столетним кедром равный,
Вся деревня говорит сейчас:
— До чего ж он добрый был и славный,
Ах, как рано он ушел от нас!..

Это слово, может быть, дороже
Всех посмертных мыслимых наград:
Целый век — немалый срок,
и все же
«Ах, как рано...» — люди говорят.

Что ж на свете совершил такого
Он, земного шара старожил?
Просто жил достойно и толково
И в горах отару сторожил.

Просто жил, пустого не болтая,
Просто был, считая труд за честь,
Чабаном, какие на Алтае —
Оглянись — в любом колхозе есть.

Просто жил, отцом и дедом звался,
Людам верил и за много дней
Сердцем с ложью никогда не знался,
Потому что не нуждался в ней.

Просто жил...

Неслышно мчались годы,

Множились морщины, и сейчас
Он лежит, прямой, длиннобородый,
С трубкой разлученный в первый раз.

Он с людьми сегодня расстается,
Не вздохнет и не поднимет век...
Но в сердцах, как прежде, остается
Он,

земляк мой,

вечный человек.

НОЧЬ В ГОРАХ

Ночь. Алтай.

Луна — как сережка.

Четкий профиль горной гряды.

Можно трубку, привстав немножко,

Раскурить от любой звезды.

Тишина...

Но скажу одно я:

Кто нелепость придумал ту,

Будто можно, мол, тишиною

Звать

Лишь мертвую немоту?

Будь слова бездушные эти

В самом деле всегда верны,

Никогда ни за что на свете

Не любили б мы тишины...

Встаньте рядом, дайте мне руки,

Я рассказывать вам начну:

Различимей дальние звуки,

Как сквозь линзу,

Сквозь тишину.

Вот марал протрубил на склоне,

Кедр под ветром запел струной.

Вот

На пастбище где-то

Кони

Бьют копытами в шар земной.

Тишина.

Колыханье веток...

И костры зажглись на земле,

И сквозь ветки мне виден свет их —
Весть о дальнем
Живом тепле.

...Если будете в нашем крае
И костер вам блеснет сквозь тьму —
Время попусту не теряя,
Поспешите в гости к нему!

Чашка будет.
И трубка будет.
Просто, искренне встретят вас
Чабаны — достойные люди, —
Как встречают меня сейчас.
Не спеша разговор наш длится —
Будем вместе встречать зарю.
Про ученье,
Про жизнь в столице
Я в подробностях говорю.
И невольно припоминаю,
Как была мне и там нужна
Эта чуткая и земная,
Эта горная тишина.

Здесь — мой край.
И ничуть не чудо,
Что в рассветной, плывущей мгле
Мне слышней бывает отсюда
Поступь Времени на Земле.

Мой Алтай! Поклон тебе от сына!
Песней стань! Войди в мои стихи!
...Облака в небесной чистой сини
Бродят, словно овцы, по степи.

Я сегодня вижу как впервые:
Вдалеке долины пролегли,
Как морщины мудрости живые
На большом лице моей земли.

Задремали горы-великаны,
Лишь один, ко сну не отходя,
Уч-Сумер — водитель каравана —
Курит трубку синего тумана,
Значит, жди к полуночи дождя...

Мой Алтай, прекрасный, как сказанье!
Сколько тайн здесь ждет еще сейчас
Взгляда изыскателя, касанья
Рук рабочих, твердых, как алмаз!

Мой Алтай!
Я — сын твой. Потому-то
Зависти питать не стану я
Ни к Катунь светлой, ни к Аргуту —
Пусть бегут в далекие края!

Я брожу в родной тенистой чаще,
Я стихи читаю... А у ног
Ясный-ясный, чистый и журчащий
Вьется безымянный ручеек.

Мне судьбы красивей и чудесней
Не придумать — сколько ни мечтай:
Быть, как он,
 живой, прозрачной песней
Гор твоих, лесов твоих,
 Алтай!

МОСКВА

Как мальчонка не выпускает подол
мамкин,

 всю свою жизнь за Москвою я шел:
Худо мне — за Москвой,
Хорошо — за Москвой
шел
и буду идти я покуда живой.

Хвалят или поносят меня — все равно,
потому что сквозь самую черную ночь
мне Москва как светящееся окно
светит, греет и обещает помочь.

Я любые узлы развяжу. Разберусь,
где жестокая правда,
где черная ложь.
Вспомню я про Москву

 и печаль мне не в грусть.
☞ Солнце — сплошь! Радость — сплошь!

Пред Москвою я
как вопросительный знак,
словно холм небольшой
пред величием гор,
потому что о самых далеких сынах
не забыла ни разу Москва до сих пор.

Разве я что полегче прошу?
Разве я ослабел?
Или выдохся? Или зачах?
Мы московскую ношу снесем, сыновья,
Той Москвы, что весь мир пронесла на плечах,

Потому-то и в самые трудные дни
Зажигает Москва вечерами огни,
Чтобы, не оступаясь, за нею я шел,
как мальчонка, держа материнский подол.

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

В этот атомный век
Родила мать в январскую стужу меня.
Этот атомный век
Свои тяжкие грузы взвалил на меня.
А кормили меня
Мясом диких зверей.
А учили меня
Распознавню съедобных корней.
Я был маленьким мальчиком,
Невеличкою, малышом,
Когда наши отцы
Всем Алтаем сражались с врагом.
И покуда они
Не вернулись с войны,
Мне казалось, что избы
Быть слепыми и темными вечно должны.
Думал я: только бог
Может досыта хлеба поесть.
У него одного
Невозможно картофелин счесть.
Рафинаду я мог бы изгрызть
Два мешка.
Но ни разу мне сразу не дали
Два куска.
Были наши отцы
На кровавой войне,
Наши матери в поле
От зари до зари пропадали.
И военного вязкого хлеба
От зари до зари
Пожевать так хотелось мне!
Только вволю ни разу не дали.

Радость — мать,
Что сегодня пораньше с работы пришла.
Счастье — заяц,
Что сдуру не заметил капкан среди снега.
Неужели всегда будет мало еды и тепла,
Мало радости,
Мало смеха?
Много лет был отец
Ожиданьем и редким письмом.
Ты — малыш.
Ты — молчишь.
И не плачешь в страданье немом.
В этот атомный век
В январе меня мать родила.
В этот атомный век
Не хватало еды и тепла.
...Нынче снова январь.
Новый год.
Пусть всегда он проходит,
Таким, каким нынче идет!
Люди! Видите — дом!
Люди! Видите — стол!
Люди! Видите — хлеб на столе!
О, какие прекрасные лица у тех,
Кто встречает свой праздник
В довольстве, в тепле.
Как шаги их легки!
Как их головы высоки!
Новый год.
Новый снег, и для всех — Новый век!
Я смотрю на своих сыновей,
Не знакомых с нуждой и тоской,
И уверенный в том,
Что их жизнь

Может быть лишь такой:
Мама рядом, папа рядом,
Праздник смотрит на них добрым взглядом.
В доме тесно от радости,
Песни, смех,
А на столе всякие сладости!
И так — всегда, и так — у всех.
Вот какая пошла удивительная детвора!
До чего же подходит ей наша пора.

СЫН УЧИТСЯ ГОВОРИТЬ

Со дня рождения
До смертного часа
Человек учится на человека:
Падает, как человек,
Встает, как человек,
И вновь шагает по земле — человеком:

Все его движения
Все труды и дни —
Для того, чтобы стать человеком:
По-человечески улыбаться,
По-человечески плакать.

Чтобы стать человеком,
Большим, настоящим человеком,
Мой сын-несмышленыш
Учится говорить:

- Скажи, сынок, «папа».
- Скажи, сынок, «мама».
- Скажи: «Я не зверь».
- Скажи: «Я человек!»

Мой сын роется в песке,
Чтобы стать человеком.
А мой друг роется в бумагах
И копается в звездах,
Чтобы стать доктором наук.

У маленького сына
И у ученого друга
Очень похожая работа:

Сын учится распознавать
Запахи цветов и хлеба,
Друг учится слушать
Голоса далеких планет.

Со дня рожденья
И до смертного часа
Человек учится на человека —
У чужих людей
И у своего времени.

Потому-то так похожи
Труды моего смышленного друга
И труды моего несмышлениша-сына:
Оба они без устали
Что-то для себя
открывают и открывают.

СЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ШКОЛЫ

Он долго двери не отворял,
В слезах стоял у двери,
покуда я сам не пошел к дверям:
— Рассказывай поскорей!
Ты двойку сегодня получил?
Тетради дома позабыл?
А может быть, ты окно разбил?

— Я, папа, сегодня убил.

Я испугался.

— Кого! За что?

Да как ты мог, сынок!

— Я нечаянно,— отвечал.

Вынул рогатку и сломал.

— Сейчас птенец кричит навзрыд,
клюв разевает птенец.

Александра Васильевна говорит:

— Без матери — конец.

Ведь это я, что ни говори
убил, а ведь не хотел!

Стоял мой сын у входной двери,
сопел мой сын, пыхтел.

— Крошки я птенцу собираю.

Он ведь не ел ничего.

Вы столько лет учили добру
сынишку моего,

Александра Васильевна! А нынче он
вами допущен был

к страшной тайне всех времен
к тайне слова «убил».

Вот он топчет рогатку ногой
и плачет: «Я убил».
Вернулся из школы совсем другой,
не такой, как был.
Низкий поклон вам от меня,
Спасибо вам от отца,
Александра Васильевна.
Мой сын никогда не забудет дня,
Когда он убил птенца,
Александра Васильевна.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Интересно, растут ли спящие дети
Этой ночью весенней?
Интересно, стареют ли бессонные старцы
Этой ночью весенней?

Стройплощадки задремали в тишине,
И аилы утонули в черном сне,
И дороги заснули, и шоссе,
Овцы тоже задремали все.

Но река не прервала пути,
И деревья продолжают расти,
Дети тоже продолжают расти,
А цветы — цвести
Этой ночью, теплой, весенней.

Ясно все насчет цветов, шоссе, реки.
Но стареют ли ночами старики?

ЗЕМЛЯ

Я люблю осенние базары —
Рад по ним шататься хоть полдня!
Волны остывающего жара
Обдают со всех востов меня.

Вот лежат арбузы, полыхая
Вырезкой, —
 титаны, толстяки,
Будто на прилавок, отдыхая,
Положили головы быки.
Здесь, как в чаще, узкая дорожка,
И базар,
 как добрый лес, гудит.
Крупная,
 глазастая картошка
Из мешков на горожан глядит.

Вот старик,
 лукаво дрогнув бровью,
В круг — на пробу — яблоко пустил:
— Ешьте, покупайте на здоровье,
Новый сорт, сам вывел, сам растил!

Но ловлю внезапно в общем гуле
Крик, летящий в сторону мою, —
Словно в спину кулаком толкнули:
— Подходите! Землю продаю!

Оглянулся.

 Парень, сбитый плотно
(Что ни слово — по сердцу ножом),
Поясняет каждому охотно:

— Как же!

Настоящий чернозем!

Сам привез! Для комнатных растений! —

Говорит, угодливо юля.

... Я стою, взволнован и растерян:

В банках, в крынках —

вот она, земля.

Та, что мной любима, по которой

Сделал я когда-то первый шаг!..

И молчу, расплакаться готовый:

«Покупайте землю!» —

как же так?

Может, я насмешки чьей-то стою,

Может, лишним пафосом грешу.

Но тогда хотелось мне, не скрою,

Рот набить землею торгашу,

Чтобы вкус ее нелегкой соли

Научился парень понимать!

Подхожу — как будто из неволи,

Из недоли собственную мать

Выкупаю!

Не сказав ни слова,

Из кармана деньги достаю.

Мне рублей не жалко,

лишь бы снова

Не услышать:

— Землю продаю!..

ОБОЖЖЕННЫЕ, НО НЕ ПАВШИЕ ДЕРЕВЬЯ

Гудели и потрескивали кедры,
Пожар поднялся к небу от земли,
И звезды в лапах огненного ветра
Расплавилась и магмой потекли.

И ночь, и день пожар не умолкал,
Рвались осколки раскаленных скал.
И ночь, и день в густом дыму пожарищ
Сородичи мои с огнем сражались.

И вместе с пеплом тоже стали пеплом,
На пепелище — горькою золой.
И черные деревья в небе светлом
Стоят над обожженною землей.

Горелый кедр, обугленная тень,
Без горечи не в силах я глядеть,
Как руки обессиленно воздеты,
Как голы, безголосы эти ветви.

И, чудится, из праха пепелища
Погибшие сородичи встают,
И всей земле их резкий возглас слышен:
— Мы жить хотим, мы не навеки тут!

ДЕНЬ ПАСТУХА

Сегодня ликует
 далекий аймак!
Оттуда, где осенью
 буйно маралы трубят,
Сегодня спускаются парни
 на лютых конях,
И запахи солнца и сна
 исходят от этих ребят.
И девушки едут,
 как летние звезды юны,
А бронзоволицы парни,
 как снежные барсы, сильны.

Без счета подковок
 они истоптали стальных,
Сапог износили за лето они без числа.
И вот они едут,
 омытые в тех родниках ледяных,
В которых зимой по ночам
 омывают планеты тела.

Они понимают язык и обычаи скал,
Они вам расскажут природу,
 предскажут погоду,
И каждый из них,
 кто траву посочней и погуще
 под небом искал
И облачный клоч за собою таскал,
Сюда не спускался по году.
Сегодня их праздник!
 Сегодня им честь воздадим!

Но вот они едут!

Скорее дорогу дадим,
За стол пастухов
на почетное место усадим

И рядышком сядем.

И вот уже древние,
словно земля, старики

Шумят и галдят

наподобие горной реки:

— Наш колхоз победит!

— Нет, наш!

— У нашего колхоза аргамаки лучше! —

И, сбросивши шапки из облака, дальние горы

Внимательно слушают те разговоры.

А рядом шумят силачи,

не стихает игра

И рвется, треща под ногами, земная кора!

А вот — автолавки в людском окружении,

И деньги шуршат,

словно листья осенние или травы весенние.

Идет состязанье острот: изощраются остряки,

Чей старше рождения год, соревнуются старики,

А также, кто больше кумыса выпьет

И в цель кто больше выбьет.

День пастуха, День пастуха,

Веселый праздник День пастуха:

Песни и скачки и разговоры.

Пели и пили парни с гор,

С восхода солнца —

им снова в горы.

...Сегодня от имени всех,

кто в степях, в горах, в лесах,

Прошу товарищей тех,

кто работает в календарях:

Пусть трудовые братья —
 праздники труда и веселья
Примут в свои объятия, справят новоселье
Нового праздника — Дня пастуха!

У МОГИЛЫ ТОЛСТОГО

Не стоит над могилою этой креста —
Солнце утром само над могилой встает.
И луна по ночам
Тихий свет свой над холмиком льет.
А холмы без числа
И без края поля,
Все четыре стороны света,
Вся земля,
Поднимаются, встают как живые
И бегут, подбегают к холмику без креста.

Сколько нужно земли человеку?
Три аршина всего!
Тесен мир. Мало воздуха в нем.
Кроме хлеба и кроме земли,
Человеку свобода и правда нужны.

И поэтому он своей правды искал,
И поэтому бога искал своего,
И поэтому не признавал ничего.
Мир не принял и против властей выступал.

Сколько нужно земли человеку?
Три аршина всего!
Небо ниже и ниже спускается к холму
Потому, что оно в самом деле
Ниже холма.
Вся природа пришла поклониться ему.
И, печально задумавшись,
У могилы стоит.

МОЯ РОДИНА

Откуда я родом?

Из весны.

Поля распарены, утомлены.
Пар валит со спины земли.
Каждый росток, корешок,
как жила — кровь, набирает сок.
Огромные чаши с айраном¹ стоят,
щемящие запахи трав таят.
Конечно, моя родина — это
такое вот лето!..

И все-таки родом я из осени.

Навьюченные грузовики медленным цугом
двигутся друг за другом.

Тракт, как пояс, стянул хребты.

По кольцам тракта вдоль высоты
машины с утра до утра сигналият.

Шоферы отдыха не знают.

Уже в осенних ливнях тоскуют о лете лога,
и кое-где в долинах
чернеют стога.

Пастухи, оседлав лошадей,
посадив за спину своих детей,
спускаются с гор,
переваливают перевалы,
белопенные реки переходят вброд.
Это путешествие их приведет
в деревню.

¹ Айран — квашеное молоко.

Пастух сыновей в школу сдает
и тем же путем домой идет.
На новых кошмах возле юрт
сидит деревенских старушек гурт:
проводят журавлиный косяк,
слабыми руками машут вслед,
кричат: «Элем-селем!
Элем-селем!»

И обсуждают так и сяк,
что бабьего лета больше нет,
прошло совсем, ушло совсем,
осталось за дальним поворотом.
Конечно, я из осени родом!

Нет, только зима, она одна —
родина.
Травы спят.
Необычайно сини небеса,
а горы белы с вершин до пят.
Горы белы, а поля белей.
Следы зверей видны вдалеке:
сказки зверей,
ногами зверей
написанные на зверином языке.
С кручи вниз мимо меня
Мчится лыжня.
Куда, интересно, мчится она?
У белой горы белая спина.
На ней растянулась тишина
и заснула.
Если закашляюсь, если чихну, —
обязательно вспугну тишину.
Но пока она висит на ветвях,
в снегах ее жилье.

Слышишь ее вздох,
ее шорох, звяк,
неслышимость ее.
Даже выстрел ее не разбудит,
не вытащит из-под сна:
кажется,
 была, есть и будет
одна тишина.
Только с кручи вниз мимо меня
летит лыжня.
А рядом — вторая лыжня.
Лети же и скорость набирай.
Только зима — мой родимый край!

Моя родина — мои шаги
от зимы до зимы.
Набрали — и вверх пошли.
Слабенькая — едва жива — трава
пробьется на белый свет.
Ее потрясет небес синева.
Ей солнце пошлет привет.
Кудрявые ягнята,
длинноногие жеребята
по-своему тоже очень рады:
делают первые в жизни шаги.
Можно всегда заржать: «Помоги!»
или проблеять: «Помоги!»
Озабоченные матери рядом,
на сочной траве под солнечным взглядом.
Солнце светит.
Травы сочны.
Откуда я родом?

Из весны.

Нет,

я все-таки родом из лета.

Скот благоденствует,

люди довольны,

знают, кормов будет довольно

и скоту на джейлау привольно.

Овца блеет. Гора зеленеет.

Конь ржет. Солнце жжет.

А люди поют песни.

На дальних стоянках — запах молока

и чуть заметный дух кизяка

от весны до весны.

Моя родина — мои стихи.

Читайте! Вот они.

Во сне я много раз умирал
И всех родных и друзей собирал.

Губы шевелились едва-едва,
И падала теплая слеза,
И падали теплые слова
На мои холодные глаза.

Бледный свет чуть трепетал —
Лампадный огонек,
А я лежал в гробу и читал
Свой собственный некролог.

И шли поезда
 по моей груди,
Составы текли рекой,
И кто-то
 далеко позади
Махал из окна рукой.

И вновь собирались ко мне друзья,
И сестры,
 и сыновья,
И мать моя,
 и жена моя,
И радовался я:

Ну что плохого в смерти моей?
Ну кто бы подумать мог:
Лучше рецензий и статей
Газетный некролог!..

В сущности, приятный сон:
Всех родственников поглядел...
Утром, только кончился он,
Я за столом сидел.

Рассказывал детали жене,
Потом на работу спешил,
И мысли бежали, бежали ко мне,
Выбивались из сил.

ОСЕНЬЮ

Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится
 колышка вокруг.
Крыльями сшибая облака,
Журавли кричат,
Летят на юг.
Конь услышал журавлиный крик
И остановил свой бег на миг.
Может, вспомнил косяки в горах
И травы не рвет,
Грустит о них?

Почему он замедляет бег?
Почему он ржет, когда вдали
Крыльями замашут журавли?
Может, он грустит, как человек?

Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится, травы шевеля.
Под его копытами, легка,
Вкруг оси вращается земля.

Прежде чем с кола сорвется конь —
Журавли далеко улетят.
Прежде чем земля сойдет с оси —
Далеко уйдет наш род людской.

Останавливает конь свой бег
И не кружится вокруг кола:
До него,
До гор,
До дол,
До всех музыка осенняя дошла.

Тайна осени, ее напев,
Музыка осенняя дошла.
Останавливается, присмирив,
А потом — опять вокруг кола
Белый конь.
Над нами журавли
Боль свою несут, роняют крик.
То ли хочет с ними улететь?
То ли просто провожает их?

Мама, у каждого человека
Кроме родной страны
Есть родная эпоха.
В эпоху великих войн
Среди солдат рождаются великие полководцы.
А когда люди
Покорствуют природе
Или горят в пожаре любви
И томятся от любовного яда,
Из них иногда выходят поэты.

Мама, время
Делает человека человеком,
Формует его характер.
В моем сердце
Сложнейший из веков — двадцатый.
Поэтому я
То нежен,
То нервен.

Мама, у меня и во дворе и в сердце
Сложнейший из веков — двадцатый.
Как же мне не шагать с ним в ногу?
Как же мне не дышать его ветром?
Мама, человека лепит время...

Я падал много раз:
То споткнешься на ходу,
То поскользнешься на льду,
То наткнешься на беду.
Я падал много раз.
Благословляю те места,
Где падал много раз.

Я плакал много раз:
То мама грудь не давала мне,
То мать я ждал в чужой стороне.
От большого горя рыдал,
От большой радости тоже рыдал.
Словом, я плакал много раз.
Благословляю те места,
Где я плакал много раз.

Еще немало я проживу.
Падать и ушибаться буду.
Вставать и подниматься буду.
Возмущаться буду.
Восхищаться буду.
Еще немало я проживу.
Благословляю те места,
Где дорога моя пролегла.

СВЕТИ

Эту ночь я проспал
высоко в облаках.
Мое ложе — гора.
Грудь мою переполнили
ветры тайги до утра.
До утра шелестела трава о себе
и деревья рассказывали о себе,
о звериных делах и о птичьих делах.
До утра сказки сказывались, до утра.
Эту сказку нигде никогда не слыхала еще детвора.
Где-то рядом мой конь
до утра хрумкал травы свои.
И уздечка его
мне отделкой напомнила спинку змеи.
Выли волки в округе,
но я беспечально заснул,
Потому что великие горы
не снимали всю ночь караул.
Никогда я так долго не спал
и так сладко не спал.
Никогда таким легким себя я не знал,
таким бодрым не знал.
Голубой парус неба
раздулся во всю широту.
Я прошелся, размялся,
позвонки ломая хребту.
Подо мною внизу
далеко-далеко от меня
Юным небом умылись
молоденькие зелены.
По логам и оврагам,
а их без числа на Алтае,

Пробирались бесчисленные реки Алтая,
шумя и болтая,
Шумным стадом спускались,
синели, как вены.
В этот миг возросли мои силы
внезапно, необыкновенно.
Захотелось мне так
рассмеяться, расхохотаться,
Чтоб гора за горою
качнулись и стали шататься.
До конца в ликование
я бы стоял на своем,
Чтобы горные реки
ввысь брызнули
светлым дождем,
Даже солнце,
зерна счастья
посеявшее для меня,
Показалось мне птицей,
очень маленькой, слепленной из огня.
И словами поэта
я крикнул ему, что есть силы:
Бейся, красное сердце мое,
свети, огневое светило!

ЖЕНЩИНА ЖДЕТ РЕБЕНКА

Земля широка, земля зелена.
Над разнотравьем и многоцвѣтьем
Дремлет отяжелевшее лето,
Бьет в ноздри
Запахом трав, родным и чудным.

Постелив узоры кошмы, близ юрты
Сидела молодая пастушка,
Что-то пела и что-то шила.
В глазах — ожиданье, забота, тревога,
Тайная грусть и тихое счастье.

Июнь, покачиваясь в воздухе,
Неторопливо ласкал природу
И карабкался все дальше и выше
В глушь тайги и в снега хребта.

Девушка почему-то застеснялась.
Меня заприметив,
Быстро спрятала то, что шила.
Знаете наших девушек!
Убрала пеленки и рубашонку,
Приданое будущего ребенка, —
Смутилась парня.

Огромное зеленое лето
Разбило стоянку на Алтае.
Острия хребтов режут на части
Синее небо.
Горы уходят в бесконечность.

Скоро взглянет на солнце
Своими бесчисленными глазами
Дикая смородина — до чего глазаста!
Скоро нальется кислотою
Приземистая кислица.
Темно-голубые шишки
Повиснут как пчелы,
Впившись в могучие лапы кедра.

Моя земля свергла иго
Льда и снега.
Ее заласкали солнце и лето.
Она утопает в травах.
Она тяжело дышит,
Словно сытая корова.
Наверно, она замечталась
О плодах и злаках,
Которые зреют и скоро созреют
В просторах полей и теснине чащобы.

Пастушка ожидает ребенка.
Черные глаза лучатся.
В быстрых пальцах
Иголка балует с блестками солнца.
Пастушка — в объятьях зеленого лета.
Они закутались в синее небо.

...Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я впервые заметил,
Что земля и человек — похожи.
Оба — добрые.
Оба — щедрые.
Оба — красивые.

Я это понял и навсегда запомнил.
Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я понял,
Что человек ждет хорошего,
И поэтому счастлив,
И поэтому,
Поскольку он прав, ожидая хорошего,
Он и есть разум земли.

Скоро взглянет на солнце
Своими бесчисленными глазами
Дикая смородина — до чего глазаста!
Скоро нальется кислотою
Приземистая кислица.
Темно-голубые шишки
Повиснут как пчелы,
Впившись в могучие лапы кедра.

Моя земля свергла иго
Льда и снега.
Ее заласкали солнце и лето.
Она утопает в травах.
Она тяжело дышит,
Словно сытая корова.
Наверно, она замечталась
О плодах и злаках,
Которые зреют и скоро созреют
В просторах полей и теснине чащобы.

Пастушка ожидает ребенка.
Черные глаза лучатся.
В быстрых пальцах
Иголка балует с блестками солнца.
Пастушка — в объятьях зеленого лета.
Они закутались в синее небо.

...Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я впервые заметил,
Что земля и человек — похожи.
Оба — добрые.
Оба — щедрые.
Оба — красивые.

Я это понял и навсегда запомнил.
Мне кажется,
Когда я это заметил,
Я понял,
Что человек ждет хорошего,
И поэтому счастлив,
И поэтому,
Поскольку он прав, ожидая хорошего,
Он и есть разум земли.

МЫЧИТ БЕЛАЯ КОРОВА

Слышу мычанье — и год забытый
шевелится в моем теле.
Ползут ко мне с зеленых джейлау
тягучие песни старухи Янчи.
...Белая корова, да, белая корова
тогда гремела над всем Алтаем.
У нее умер белый теленок.
Белое молоко струило вымя.
Несчастливая корова рыдала.
Старуха Янчи сделала чучело,
положила перед коровой,
стояла молча и смотрела.
Белая корова, не уставая,
гремела над всем Алтаем.
Вдруг она понюхала чучело
и начала лизать и лелеять
белое чучело, как живое.
Старуха Янчи подсела к корове
и запела.
Струя песни густой, тягучей
ударила в землю.
(Может быть, и старуха хотела
смягчить горе коровы?
Может быть, она изливала
свое горе —
откуда понять мне, мальчишке?
Когда мычала белая корова,
черное горе рычало над миром —
такое тяжелое, что согнулись
плечи земли под этим грузом.)
Люди говорили,
что сыновья старухи

далеко-далеко, в какой-то «Войне»,
кровавом краю.
А где этот край,
откуда понять мне, мальчишке?
Песню, похожую на рыдaнье,
запевает старуха,
только сядет к своей корове.
Мычит белая, белая корова,
а красный, красный закат вечерний
дрожит, качается от мычанья.
«Если сыны мои будут живы,—
запевает старуха,—
будущей весной они вернутся,
когда золотыми голосами
кукушки запоют над весной».
...Много раз прилетали кукушки
и на ветвях качались.
Много раз уходило лето.
Но из кровавой страны «Война»
не возвратились сыновья старухи...
Слышу мычанье — и год забытый
шевелится в моем теле,
и давние песни старухи
проплывают сквозь долгие годы,
звонят печально и горько
и до меня доплывают.

ТЕМИТ, ТЕМИТ...

Милый брат мой,
 мой друг,
 Темит, Темит...
Был бы жив ты сейчас,
 тебе стукнуло б тридцать сейчас
И твой сын,
 может,
 бегал бы
 вместе с моим,
А ты сам на коне
 прискакал бы ко мне
По долине родной,
 именуемой Каярлыком,
Или просто пришел бы в гости ко мне
По росистой траве и по пыльной тропе,
Темит, Темит, Темит...

Все твои одноклассники
пережились уже,
Строят дома,
Растят детей,
Именуются родителями.
Твой друг
Эшов Олег
тоже женат.
Настоящим работником стал,
в райцентре живет.

В десять раз
красивее прежнего
наше село.

Только плохо,

Окна вспыхнут огнями,

А девчонки задразнят парней,

Но в твоём одиноком дому

твоя старая мать.

Все в порядке у ней,

Все в порядке, одно не в порядке —

Темит, Темит!

В той Москве,

И которую ты полюбил.

Муки слова

И по-прежнему

Все ищу.

свое.

Листья — красные — падают на меня.

и, наверно, похожа на ту,

Когда ты
по этой аллее шагал
И мечтал про Алтай,
вспоминал, как добра твоя матушка.
Вот твоя академия.
Вот памятник Мичурину,
у которого стайвал ты не раз.
В этом доме когда-то
раздавались твои шаги.
Это эхо когда-то
подхватывало твой смех.

А теперь здесь другие
проходят, смеются, грустят —
Это наши студенты —
молодая надежда земли.
Ты был тоже студентом,
Инженерами станут они.
Как и ты.

Дома ждут их родители,
как ждала тебя мать.
Нет надежней опоры
для отцов и для матерей...
Говорят, что судьба это враки.
Что мне ответить, Темит?
Двадцатипятилетним,
отец твой
утонул в полых водах Кок-Су.

Безотцовщина, сиротой ты вырос, мой друг.
Хоть забыла про молодость смолоду мать,
Но тебя подняла,
выучила тебя.

Говорят, что судьба это враки,
но, как и отец,
Ты, Темит, утонул,
двадцатипятилетним
в той же самой весенней Кок-Су.

Мы стояли с тобой
на ее берегу.

Удивительно голубой
была весна.

— Это первая в жизни моей весна! —

Ты сказал, улыбаясь,
и вдаль поглядел

На высокое солнце,
на вспаханные поля

И на то, как дымилась, весной исходила земля.

Крепко ноги расставив,
стоял на весенней земле

Двадцатипятилетний Темит,
друг мой, брат, инженер молодой.

Двадцатипятилетний стоял ты тогда над водой.

А пятидесятилетним — не увижу тебя никогда.

Белозубо, доверчиво улыбался в то утро Темит.

Я улыбку твою вижу изредка только во сне.

Руки жмем друг другу
тоже не часто —

во сне...

Друг мой, брат мой,
Темит, Темит,

Ты зайди ко мне в сон

И зайди ко мне в дом.

Приходи, когда хочешь,

Почаще, Темит, заходи.

Для меня ты живой.

Был живой
и остался живой,
Друг мой первый
и вечный,
Темит, Темит.

РАССКАЗ ОХОТНИКА

Осень. Ночь.

В горных высях воздух чист.
Первый снег, тихо кружась,
Падает, как бабочки, в костер.
Я и охотник Амыр,
Расстелив потники,
Лежим у костра, греем бока.

Костер трещит. Скалы во тьме
Похожи на спящих сов...
О чем задумался, Амыр?
Молчит, хотя не спит.
— Где завтра охотиться будем мы?
Каких зверей увидим следы?
Ведь белки в теплых дуплах своих
Заснули крепким сном.

Осень. Ночь.

Давно я в этих горах не бывал.
Давно под открытым небом,
Под звездами не ночевал.
Вдруг
Дрогнула тьма.
Вскочил Амыр, и я — на ногах!
В протяжной темноте дерев
Послышался чей-то рев.
Бой идет.
Во тьме рычат.
Кустарники трещат.
Выстрела внезапный гром.
Это — Амыр. Потом — тишина.
Только тихий, тихий снег:

На осеннюю черноту
Падает первая белизна.
Амыр уселся на потник,
Поправляет костер головней,
Говорит:
— Да что ты дрожишь, словно тальник?
До сих пор не привык к тайге?
У тайги своя жизнь и свой закон.
Ты в тайге! —
Говорит мне он.
Утро. Белая тишина.
Белым-бело.
Плечи гор замело.
Деревья стряхивают снег.
Под сгорбленным тальником
Следы убегают вкось.

Мы чай вскипятили.
Мы выпили чай.
Мы оседлали коней.
— Что же было? —
Невзначай
Спрашиваю у него.
— Скажи,
 почему фыркает конь
И в сторону берет? —
Амыр камчой стегает коня,
Заставляет идти вперед.
Почему?
Почему на белом снегу
Красный, кровавый снег?
Красный снег на белом снегу.
На красном снегу — марал.
Кто же его растерзал, разодрал?

Я понять не могу.
— Жалко. Жалко красавца гор.
Наверно, мирно дремал.
— Это снежный барс лапу простер,—
Амыр мне отвечал.—
Таков кровавый закон тайги.
Его — не отменить!
Потом Амыр на меня поглядел.
Вздохнул,
Задумался он.
— Не только диких зверей удел
Этот кровавый закон.—
Стояла вечная тишина.
Белый снег. Красный снег.
Была у Амыра нога одна
Такая, как у всех,
И деревяшка вместо другой,
Потерянной в ту войну...
Шапку поправляя рукой,
Слушал я тишину.

ГРОЗА НАД ДАЛЕКОЙ СТОЯНКОЙ

Бесконечный дождь
льет, льет,
льет и льет.

И позавчера
и вчера он лил,
и сегодня льет,
льет и льет.

Над стоянкой небо
тихое какое-то,
серое какое-то.

А над юртой дым
тоже серый,
потихоньку тянется,
а потом теряется
в сером небе.

Тихий стон грозы
тянется к земле
из глубин небесных.

Под мокрыми деревьями
мокрые коровы.
Жалко их, болезных.

Дождь шуршит,
дождь шелестит,
листья задевая,
травы обмывая.

В юрте на кровати
маленькая девочка
плачет и мечется
не переставая.

Лицо у ней красное.
Огонь в очаге красный.

Все кругом красное.
— Мама, мама! — плачет девочка.
Больно ей, страшно ей.

Мать этой девочки — моя сестра —
места себе не находит с утра.
Минутки покоя не находит,
покуда девочка бредит,
то встанет, то сядет,
то из юрты выходит:
— Почему врач не едет? —
На месте минутки не посидит,
все в сторону перевала глядит —
оттуда из-за тумана
вот-вот должны показаться
верховые.

У девочки — испуганные глаза:
на землю обрушивается гроза.
Гроза стонет
стоном долгим.
Девочка стонет
голосом жалким.
— В целом колхозе нет врача, —
ворчит сестра.
— Почему ты не учился на врача? —
кричит на меня с утра.
Осенняя дорога нелегка.
Гонец, ускакавший за врачом,
с вчерашнего дня не возвращается.
Нависшие над юртой облака —
им, конечно, все нипочем —
сыплют, сыплют дождь и качаются.

— Ветеринаров полно!
Зоотехников полно!
А врача просим давно!
Врача днем с огнем не найдешь!
Сколько ни ждешь — не едет! —
Между тем продолжается дождь.
Девочка бредит.
Во дворе корова мычит,
в небе грома кочуют,
а дворовая собака молчит,
потому что врача не чувствует.
Тихо,

только в траве и листьях
слышно шуршанье дождя.

Сестра — растерялась.
То она дочку покачает,
то — на постельку положит,
а дождь свою песню — не кончает,
а девочка больше кричать — не может.

В хмурых горах
над стоянкой далекой —
такой одинокой —
снова и снова
стонет и стонет
небо, покрытое тучами,
снова гремит громами над кручами,
над юртой,
где моя сестра и ее дочка.

Годы долгие дома родимого я не видал,
Но разбужено сонное сердце мое по весне.
Поезда отбывают в вечерний закат или в дымную даль.
За собою зовут.

Их гудки отдаются тревогой и болью во мне.

Надоело мне слушать веселенький перестук
И внимать на асфальте девичьему каблуку.
Я хочу услышать, как дрожит под кукушкою сук
И гора зеленеет,
Леса зеленеют,
Алтай зеленеет

от такого «ку-ку».

Добрый пахарем я согласился немедля бы стать,
На рассвете по пашне идущим с прохладой в груди,
Или птицей безвестной, но не устающей свистать
На тончайшей из веток,

лесной тишины посреди.

И когда сквозь толпу в городское ущелье иду,
И дома, словно скалы, теснятся, мрачны и тихи,
Я кажусь себе мальчиком

в девятьсот далеком году.

Погрузив свою кладь,
Позабыв меня взять,
На джейлау ушли пастухи.
Слишком долго я не был в местах, где родился и рос.
Но табунными гулами земли гудят,

и заржала весна,

И зеленая травка восстала из сна

И, проклянув асфальт,
задает мне вопрос:

Ты откуда?

Послушай, откуда же ты?

Поезда отбывают. Трясутся под ними мосты.

ДОМОЙ ХОЧУ!

Домой хочу,
и сердцу нынче нет покоя.
Не в этой комнатной тиши,
а тишиною гор укрывшись,
в горах уснуть.
Как прошлое мое —
серебряное пенье кедров надо мною,
Как прошлое мое —
кружение гор,
в горах туманный путь...

Домой хочу!..
Тут облачко любое,
Листок любой
подарит мне прохладу,
Цветок, склонившийся к ручью,
Усталому
ответит лаской
взгляду,
Коней алтайских жар
согреет дрожь мою.
И языка родного разговор,
Отдавшись эхом по вершинам гор,
Меня излечит от тоски немой...
Нет, я домой хочу,
домой хочу,
сегодня же домой!
Вы знаете ли,
человек вдали
От гор родимых,
от родной земли
Стареет рано.

Зачем мне эта ранняя усталость,
И раненая старость,
И старческие раны?
А там,
 как сказочный, как дикий От-олень,
Огонь-траву
 нашедший на лугу,
По скалам
 легче ветра пробегу.
Как пламенный пастушеский костер,
Я созову и братьев, и сестер,
Глухую ночь преобразая в день.
И если к вам я вытяну ладонь —
То речь моя
 и сверху слышной будет.
И если есть в душе моей огонь —
То и долину
 этот жар разбудит.
Вы знаете ли,
 человек вдали
От гор родимых,
 от родной земли
Стареет рано.
 Угасает зной,
И в мире нет усталости страшней,
И в старости не примирюсь я с ней,
С холодной преждевременной зимой...
Домой хочу,
 домой хочу,
 сегодня же домой!

ГОЛУБОЙ ЦВЕТОК

Где же ты, мой голубой цветок,
Где же ты, бессмертие мое,
Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие?

Я ищу не первый год подряд.
Где же лепестки твои горят?
Ты отводишь горе, говорят,
Юность возвращаешь, говорят!

Не цветешь ты в комнатном тепле.
Не даешься в руки за рубли.
Сколько смелых на пути к тебе
Снежные лавины погребли!

И поныне этот путь не прост.
Торопясь к тебе, моя мечта,
Я спугнул немало тихих звезд,
Мирно спавших на краю хребта.

К тем вершинам, где живут орлы,
Вновь спешу я нынче за тобой.
Где, в какой расселине скалы
Ты расцвел, цветок мой голубой?

Может, с наковальни кузнеца
Ты дымком поднимаешься к звезде?
Может быть, взойдешь, томя сердца,
В этой строчке, словно в борозде?

Корень счастья, поисков итог,
Пламени живого острие —
Отзовись, мой голубой цветок,
Отзовись, призвание мое!

СТИХИ О КОНЕ

Кони, кони алтайских, отеческих гор!
Я с младенческих дней вам товарищем был.
Побродив и поездив по свету,

с тех пор

Много видел я, кони,

но вас не забыл.

О игрушки мои — бабки диких косуль!¹

В каждой косточке, помню,

я видел коня.

А позднее —

стремительней ветра и пуль

Неоседланный конь

нес мальчишку,

меня.

Там на каждой тропе —

ваш отчетливый след,

Там, на волны кося понимающий взгляд,

Утром кони из речек

пьют горный рассвет,

Вечерами

из речек

пьют горный закат.

Мы беседуем с ними

на «вы», как с людьми,

Уважительный, добрый обычай храня...

Но забыть не могу я — читатель, пойми! —

Как недавно

я в городе встретил коня.

¹ Бабки диких косуль — любимые игрушки детей на Алтае. Обычно в играх они обозначают различных животных.

Запряженный с утра, в след машинных колес
Он ступал тяжело.

Он дышал тяжело.

И пустые бутылки он в ящиках вез —
Гроыхало, звенело и пело стекло.
Я в глаза поглядел мимоходом —

и вдруг

Убедился: не видят, уснули глаза!

Что приснилось тебе,

добрый, старый мой друг!

Может, утро в горах

и на травах — роса?

В такт кивая шагам, по асфальту бредешь,

Гул трамваев и запах бензина терпя...

О товарищ мой, как на тебя я похож!

О, насколько же я не похож на тебя!

На тебя загляделся Алтай,
Ты на диво светла и юна.
Ты — как горный цветок танталай,
Ты — как птица тайги агуна.

Вдоль таежных грохочущих рек
Ты проходишь в одежде простой,
И лицо, словно выпавший снег,
Дышит нежностью и чистотой.

Ты выводишь отару в луга,
А когда, золотые, с каймой,
Запылают огнем облака—
Возвращаешься с нею домой.

Где-то полночь ступает, темна,
По следам отшумевшего дня.
Ты не слышишь ее. Ты одна.
Тихо с книгой сидишь у огня.

Ах, как хочется все повидать,
Побывать далеко-далеко!
Но больна твоя старая мать,
И прожить ей одной нелегко.

Пробудилась тайга. Облака,
Розовея, проходят над ней.
Начинается день, как река,
Что летит, грохоча, меж камней.

Ты еще не проснулась?.. Вставай! —
Плещет в берег, волнуясь, волна.
Ты — как горный цветок танталай,
Ты — как птица тайги агуна.

УТРО

Звезды в небе надо мной
Исчезают по одной...

Без предела, без границы
Рассветающий простор.
Солнце вскинуло ресницы
Золотые из-за гор.
И восходит величаво
По ступеням высоты...
— Здравствуй, Солнце! —

шепчут травы,

— Здравствуй! — клонятся цветы.

Словно сын пришел с чужбины,
Мать земля встречает сына:

— Здесь твой дом! Входи!

Входи!

И глаза ее лучатся,
И роса, как слезы счастья,
Высыхает на груди...

КАДЫН-БАЖИ¹

Кадын-Бажи, Кадын-Бажи,
Ты выше всех вершин Алтая.
Зовут нас, гранями блистая,
Твой седые рубежи.

Туда, к высотам, труден путь!
Недаром на твоём отроге,
С утра взойдя, на полдороге
Садится солнце отдохнуть.

Кадын-Бажи, весна пришла
В долины отческого края,
А ты стоишь, белым-бела,
Весне земной не доверяя.

Но чем гордишься ты? Смотри
Почаще в небо голубое:
Высоко в небе над тобою
Летают сверстники мои!

И звездам явственно слышны
Моторов яростные гимны.
Но мы по-прежнему земны,
Как встарь, щедры, гостеприимны.

Мы сберегли тепло души!
И, значит, холодом гордиться
В двадцатом веке не годится,
Кадын-Бажи, Кадын-Бажи!

¹ Кадын-Бажи — гора Белуха, главная вершина Алтая.

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Снег весной! Прогнозам вопреки,
Мокрый, он к асфальтам припечатан...
Под окном идет игра в снежки.
Весело ребятам и девочкам!

Только мне уж третий день, считай,
Не до их веселой перебранки:
Снова мне привиделся Алтай,
Пастухов далекие стоянки.

Я-то знаю, как в такие дни
Пастухам тревожно! Как все чаще
Взгляд отводят в сторону они
От скотины, горестно мычащей.

Им опять, откашлявшись, вставать
И на склонах, вровень с облаками,
Травы из-под снега доставать
Красными от холода руками.

Неужели там и в этот год
Смотрит небо, словно исподлобья,
И лютует ветер и несет
Мокрые бесформенные хлопья?

Мне обидно: я гляжу в окно —
Под бесцветным кровом небосвода
Фабрикам кирпичным все равно,
Какова на улице погода!

Пусть меня поймет рабочий класс!
Не скажу о городе худого,

Просто-напросто во мне сейчас
Сын пастуший вдруг проснулся снова.

Мчись, душа, ветрам наперерез,
К нашим рекам, быстрым и холодным,
В те края, где люди снег и лес
Знают не по шишкинским полотнам!

Если снег идет в родных горах —
То и мне безрадостно и зябко...
Эх, сейчас буренке бы в руках
Протянуть душистую охапку!

И плевать на чьи-то там смешки!
...Над землей, домами, гаражами
Снег летит и падает. В снежки
Под окном играют горожане.

ТЫ РОДИЛАСЬ В ГОРАХ

СЕСТРЕ КЛАРЕ

Ты родилась в горах, где родники
Рождаются кипящие, где росы
Ложатся на кремнистые откосы,
Где бродят в скалах светлые дымки.

Рассветный луч твоих касался щек,
Тебе тайга цветы свои дарила.
Теперь настал твой час, и ты в долину
Сбегаешь с гор, мой светлый родничок.

Там новые отыщутся друзья,
Там будет город — шумный, непривычный...
Смотри, не растворишься в толпе столичной,
Не затеряйся, скромница моя!

«Во всем — как все!» — опасная игра!
Но и дикаркой маленькой, пугливой,
Любителям «экзотики» на диво,
Увидеть не хочу тебя, сестра.

Будь, милая, скромна и будь горда.
Должно быть, мудрость истинная в этом:
Всех выслушав, сдружившись с целым светом,
Самим собой остаться навсегда!

* * *

Осень.

Пусто в горах.

У бегущей воды—

Хоть еще не застыла —

стада не теснятся.

Их прощальные,

вмерзшие в землю следы

Под покровом снегов до весны сохраняются.

Старый кедр недовольно шумит на ветру.

Все березки стоят беззащитны и голы.

Смотрит в юрту бродячий туман поутру —

Ни души.

И скучают, как женщины, горы.

Словно вдовы, стоят неподвижно тихи,

А кругом, по долинам — ни слова, ни смеха.

— Эге-гей! — я кричу.— Где ж вы все, пастухи?!

— Эге-гей! Эгей-гей!..—

откликается эхо.

Вблизи села, в кладбищенском логу,
Брожу среди могил.
О, многих здесь припомнить я могу,
И многих я любил!

И не поправить тут, и не помочь:
Их дело — решено.
Их вечная сейчас объемлет ночь,
Теперь им все равно.

Идет ли дождь, хорош ли урожай.
На их полях родных...
Им ничего теперь уже не жаль,
Нет радостей у них.

А мне еще на свете долго жить
(Надеюсь, это так!)
И много песен солнечных сложить
(Надеюсь, это так!),

И на ноги поставить сыновей
(Ведь у меня их — два!),
И, может быть, услышать от людей
Хорошие слова.

Ах, в милой жизни, шумной, как река,
Пьянящей, как вино,
Хочу успеть побольше я, пока
Мне станет все равно!

Не сомневаюсь: если
Взглянуть со стороны,
Земля моя прекрасна
В цветном шелку весны.
Недаром, как мальчишки,
Светлы и горячи,
К ней взапуски несутся
Апрельские лучи.

Не сомневаюсь: если
Взглянуть со стороны,
Земля моя сияет
Куда светлей луны.
Не зря к ней ночью звезды,
Покинув высоту,
Слетают — и от счастья
Сгорают на лету.

Не зря, лишь только дождик
Пройдется по земле —
От имени Вселенной
И солнца в том числе,
Уткнувшись в грудь земную,
Где травы и дома,
Ее целует радуга —
Красавица сама!

А для меня планета
Прекраснее вдвойне:
Ведь я живу не где-то,
Живу не в стороне,

Она при мне, со мною,
И в сердце и в горсти...

Ах, до чего же славно
Мне по земле идти!

Душе всегда
Чего-то не хватает,
Не кровь — огонь
Летит, видать, по жилам!
Я в городе тоскую
По Алтаю,
По стойбищам зеленым,
По аилам.

Вернусь домой,
Где в серебре вершины —
И вот уже
О городе тоскую,
Во сне я вижу
Улицы, машины
И тесноту людскую,
Городскую.

Я так живу!
Я не могу иначе!
Спешу вперед
Упрямо и неробко,
И строчка,
Что вчера была горячей,
Сегодня —
Как исхоженная тропка.

Мне виден перевал —
За перевалом,
И я иду,
В своих уверен силах...

Я не могу
Довольствоваться малым,
Не кровь — огонь
В моих клокочет жилах.

У КОЛЫБЕЛИ СЫНА

Мальчик, сын мой, ты знаешь, как быть
 человеком не просто?
Ты лежишь в колыбели алтайской из нежной
 бересты,
Над тобой небеса идилически заголубели...
Но еще покачаешься ты и в иной колыбели!
Жизнь — я знаю, мой мальчик! — поступит
 с тобой, как со мною:
Раскачает —
 от гор до морей,
 от мороза до зноя,
Испытает надежность упрямого сердца и рук.
— Кто ты? — спросит она. И кому-то
 ответишь ты: — Друг!
— Кто ты? — спросит она. — И кому-то
 ответишь ты: — Враг!
Ты пойдешь на охоту — найдет она холод
 и мрак,
Изматает,
 в трех соснах закружит,
 оставит без пищи —
И внезапно блеснет золотым огоньком
 в темнотище.
И тропинку положит к ногам. И, на диво
 щедра,
Крепкой дружбой мужскою тебя одарит
 у костра!
Это жизнь — все она! — соблюдая закон
 поколений,
У могилы отцовской поставит тебя на колени.
Знаю: трудно. И все ж заклинаю всей
 силой любви:

Сын мой, мальчик, меня обязательно

переживи!

Пусть в потомках стократно разрез моих

глаз повторится!

Пусть бессмертная жизнь, как великое чудо,

творится!

А каким языкам тебя, мальчик, научит она!

Есть приятный и легкий язык Молодого Вина,

И земной, не стареющий, вечный язык

Молока,

И, конечно же, Хлеба — священнее нет

языка!

Обучайся, мой мальчик! Но помни, что

с давних веков

Посвист пуль — это тоже один из ее языков,

И еще не забыт он, язык тот недобрый.

Доныне,

Часто, Жизнь пахнет Смертью не только

в безводной пустыне.

Видишь — стелется дым от пожаров по черной

земле,

Язычки синеватого пламени пляшут в золе.

Жизнь, бывает, обманет и ложью твоей

путь затуманит,

Но и правдой жестокой не меньше

по-своему ранит.

Чтоб тебя никакая беда одолеть не смогла,

Нужно жить человеком,

добро отделяя от зла.

Это трудное дело. Не всем по плечу

и по росту.

Но ведь я говорил же, что быть Человеком —

не просто.

На прекрасной земле
в наш нелегкий, ответственный век
Важно быть человеком.
Будь счастлив, мой сын, Человек!

ЧЕРЕМУХИ

Дождь отшумел.

И над Амуром хмурым
Открылся неба солнечный клочок.
Черемухи прозрели над Амуром:
Ведь в каждой капле —
солнце как зрачок!
Застенчивые дочери природы,
Вы так светло,
так нежно расцвели!
Ваш тихий шум
поймут без перевода
Влюбленные
со всех концов земли.

И я люблю.

Брожу и вспоминаю
О той,
что ждет
в далеком далеке,
И шорох ваш,
как шепот, понимаю,
Алтаец — на алтайском языке...

МАТЕРИ МОЕЙ

Раз проснулся я: луна
У дверей— такая робкая!
Показалась мне она
Нашей белою коровкою.

Точно так она ждала —
Без мычания, без жалобы,
Чтобы ты к ней подошла,
Подойла, приласкала бы.

...Ночь синела, глубока.
Мне приснился голос матери
И парного молока
Кружка полная — на скатерти.

Дремлет мир под звездами большими,
Только я не сплю, да ты со мной.
Тихо-тихо.

«Горные вершины,—
Вспоминаю,—
спят во тьме ночной...»

Чуть курятся
синие отроги,
Птица на ветвях не засвистит,
И прямой,
по-лермонтовски строгий,
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Где-то дети дремлют, разметавшись,—
Пусть к вам сны хорошие придут!
Где-то степи дремлют,
размечтавшись

О хлебах,
которые взойдут.

Тишина,
свернувшись,
спит в бутонах,

И миры полночные горят.
Тихо-тихо.

Лишь сердца влюбленных,
Как звезда с звездой, говорят...

* * *

По долинам шла весна разведкой,
Весь светился купол голубой...
Под весенней, в крупных почках, веткой
Мы расстались, милая, с тобой.
Вновь весна долины покорила,
Так же ясен купол голубой.
Замкнут круг. Все в мире повторимо,
Но когда ж мы встретимся с тобой?

Лишь смежу от усталости взгляд —
Обступают алтайские горы.

— Как живешь ты? — они говорят.

— Помни, внук наш, — они говорят, —
Быть в хвосте — нет страшнее позора!

Лишь смежу от усталости взгляд —
И глаза твои чистые вижу.

— Как живешь ты? — они говорят, —
Счастье наше? Смотри, береги же!

На тебя и на горы гляжу,

И в ответ от волненья — ни слова...

А сегодня я все вам скажу,

Все, чем сердце полно, вам скажу —

Вы приснитесь, пожалуйста, снова!

* * *

Женщина расчесывалась на ночь,
Стоя перед зеркалом.

А мимо
Проходило солнце.
Ах, к любимой
Приласкаться и оно не прочь!

Сквозь окошко потянулось косо,
В пряди позапуталось густой...
И вплела

моя родная
в косу
Тонкий-тонкий лучик золотой.

В сердцах алтайских женщин
 серебряный мужчина
 в серебряных доспехах
 Живет счастливой тенью,
 И с детства я ловлю
 в блистающих рассветах
 Его цветное отраженье.
 Я отрок, но мужчина тоже,
 Мы схожи!
 О женщины-алтайки,
 для вас и рук, и губ хранимый пламень.
 Для вас,
 чтоб ваши губы разгорелись,
 как шиповник на ветру.
 И если черный день
 пожара черного
 взмахнет крылами,
 Огнем любви вас защищу
 и дым с небес сотру.
 Мужчины гор!
 В сердцах мужчин алтайских
 Пылающий,
 в поход готовый конь.
 Он в дни покоя нам
 летающее счастье,
 А в черную грозу —
 скачи на нем в огонь.
 Горянки гордые!
 Сегодня,
 в мире вихревом,
 Вдали от вас
 тая тоску и радость,

У вас в сердцах
 рассветным заревом скрываюсь
И раскрываюсь лазоревым цветком.
И, словно аргамак,
 пылающий и ясный,
Из древности
 в грядущее, где дышится вольней,
Лечу к вам
 с ношею любви прекрасной
И удивленьем нерожденных дней.

⇒ ПОЭМЫ ⇐

ХАРАКТЕРЫ

(Рассказ в стихах)

Амыргушев Амыр —
Знаменитый охотник Алтая:
В рощах, в чащах, в ущельях
Он дома всегда и везде,
И осенние ветры,
По каменным склонам летая,
Любят греться порой
У Амыра в густой бороде.

Нет, наверно, сегодня
В горах, под луною рябою
Ручейка, из которого
Он не испил бы воды.
Волк, лиса и медведь
Меж следами других зверобоев.

В землю тычась носами,
Его
Отличают
Следы.

И пока вот сейчас
На ладонь он сыпает махорку
И табачные крошки
Желтеют у ног на снегу —
В зоопарках Москвы,
Ленинграда
И даже Нью-Йорка
Им плененные звери
Грустят,
Вспоминая тайгу.

Вот над барсовым следом
Он встал, головою качая:
«Барс хитер — я хитрее!
Не раз еще силы сравним!
Ишь ведь — в тыл подбирается...»
Так и живут, не скучая,
И охотятся так:
Он — за барсами,
Барсы — за ним.

Раз идет Амыргушев
Охотничьей тропкой в тумане.
Чистый холод рассвета
Лицо человеку омыл.
Видит: барсова лапа
Торчит одиноко в капкане...
«Сам себе перегрыз!
Вот характер!» — дивится Амыр.

А кругом — тишина.
С белых веток снежок не стрясется.
Хороша тишина!
Можно пить ее долго и всласть.
Только вдруг над кустами
Взошла величаво, как солнце,
Морда снежного барса...
Прыжок — и борьба началась!
То Амыр наверху,
То — лесная седая зверюга.
Вот и кровь показалась.
В глазах — то светло, то темно.
Скачут елки вокруг.
Вся по кругу несется округа.
Барс метнулся —
И в ногу
зубами вгрызается,
но —

Изумленно скулит:
Непонятна, гладка, жестковата
Деревяшка в зубах!
С ней клыки совладеть не сильны.
Нет ноги у Амыра:
Давно, в сорок третьем когда-то,
Он оставил ее
В раскаленном капкане войны.

Он ее схоронил
Там, на западе, в снежной России,
Где равнинные ветры
В столбах над полями гудят...
Кувыркнулся в снегу,
Напрягая последние силы,

Сбросил зверя — и встал,
Распрямился охотник-солдат.
Черт, ружье отказало!
А зверь — он не даст передышки.
Не протянешь руки,
Не предложишь по-доброму: «Мир!»
Значит, нож, выручай!
...Нож темнеет у зверя в подмышке,
И лицо кушаком
Утирает охотник Амыр.

«Значит, все же не стар!
Значит, сила в руках не пропала!
Значит, зверя не раз
Одолеть еще в жизни смогу!...»
Оседают кругом
Загустевшее облако пара.
Снежный барс, теплый барс
Остывает на смятом снегу.

И уже на усах
Замирают снежинки, не тая,
И опять тишину,
Словно белую книгу, читай...
Вот какие, представьте-ка,
Люди у нас на Алтае!
Вот какие, представьте-ка,
Звери у нас на Алтае!
Вот чем славен Алтай.
Приезжайте ко мне на Алтай!

КОНОВЯЗИ

В час, когда над миром золотая
Плавает луна, и люди спят,
Слышу я: в урочищах Алтая
Коновязи старые скрипят.
Может быть, скрипят, а может — плачут,
Снявшись с мест, бредут по склонам гор,
Мертвые — как призраки, маячат,
С ветром затевают разговор.
Что ж они выпрашивают, ищут?
Ждут ли, чтобы вновь из прошлых дней:
Долетел к ним близкий дым жилища,
Теплое дыхание коней?
Где ж те кони — резвы, ясноглазы?
Вдаль какие тропы увели
Тех джигитов, чей аркан ни разу
Не касался трав сырой земли?
Жизнь ушла, отхлынула куда-то...
Вот — следы аила у реки.
Не сюда ли наезжали сваты
С полным ташауром араки?
Мать с отцом встречали их сурово,
Гордое достоинство храня,
Лишь потом теплел, за словом слово,
Разговор за чаркой, у огня...
В час, когда над миром золотая
Плавает луна, и люди спят,
В голубых урочищах Алтая
Коновязи плачут и грустят
О былом, ушедшем безвозвратно,
Где при деле были и они...
Им, недвижимым, просто непонятны
Новые, стремительные дни.

Век, тебе служу неутомимо,
Все твои заветы берегу,
Но — прости! — пройти спокойно мимо
Коновязей старых — не могу.
Их стенанье, лепет, бормотанье
Ощущаю всякий раз в ушах —
И теряюсь, и робею втайне,
И невольно убыстряю шаг.
Время, все же, знаете, ночное,
Сказки детства в памяти встают.
Коновязи старые за мною
Тянутся... бормочут... отстают...
А порой — прихлынет к сердцу жалость
К ним, печальным, дрогнувшим от рос...
— Что в тебе от трагедов осталось? —
Кажется, я слышу их вопрос. —
Мчась в машинах, в облаках летая,
Постигая жизни существо,
Сын ли ты прекрасного Алтая
Или только века своего?..
Вы — послы былого в нашем веке,
Веке межпланетных кораблей,
Коновязи, коновязи — вехи
Неотступной памяти моей!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОНОВЯЗЬ В УРОЧИЩЕ АТПАЗАР

1

В долине тихой, далеко-далеко
От современных шумов и огней,
Она, как перст, чернеет одиноко,
И шесть зарубок видятся на ней.

Стара — должно быть, видела немало,
Как древний бог, зловеща и темна.
Меня давно, признаться, занимало,
Когда и кем поставлена она.
Но люди ничего не отвечали,
Когда я их расспрашивал. Они
Лишь головами холодно качали:
— Не слышали... Не помним... Извини...
Но как-то раз, махорочного дыма
Пустив из трубки несколько колец,
Один старик сказал мне наконец:
— То коновязь кровавого Карыма!
Он сеял в мире слезы и беду,
Худую память по себе оставил...
Умолк старик. А после вдруг прибавил:
— Ты знаешь ведь Карымова Саду?
Саду Карымов! Многое сказало
Мне это имя: сверстники, годки,
Не с ним ли мы на склонах Атпазара
Кротов ловили в детские силки?
Парнишка бойкий, сын поры военной,
Как я, в пальтишко драное одет,
Не знал Саду, мой спутник неизменный,
Что коновязь его поставил дел.
Он был веселым, смелым и куцравым,
В суровом том и памятном году,
И то, что звался дед его «кровавым» —
Едва ли знал приятель мой, Саду...

2

«Кровавый Карым был дурным человеком, —
Старик говорил мне. — Не месяц, не год
Молва растекалась, как пена по рекам,

О том, как терзает он бедный народ.
А коновязь эту мы знали особо,
Пугала она не одних сосунков:
Здесь, к ней привязавши, весь черный от злобы,
Кровавый Карым избивал батраков.
В то время я был чабаном у Карыма,
И как-то мертвяк родился у овцы...
На теле моем и теперь еще зримы,
Как память о случае этом — рубцы.
А раньше — отец мой здесь умер под плетью,
И мать до утра голосила над ним...
Так правил долиной в года лихолетья
Жестокий хозяин — кровавый Карым.
Богат был Карым: словно белые птицы,
По склонам белели отары его.
Но лютая жадность, не зная границы,
Случалось, вела его на воровство.
С ним старшие дети бесчестье делили.
А надо еще тебе знать, что тогда ж
В соседней, озерами славной, долине
Жил бай-богате́й по прозванью Кокпаш.
В его табуне, меж другими блистая,
Порывист, летуч, как ружейный свинец,
Известный всему голубому Алтаю,
Игреновой масти гулял бегунец.
И ночью, такой, когда прежние боги —
И те не пустились бы в путь без огня,
И путник, застигнутый тьмою в дороге,
Не видит ушей своего же коня, —
Они собрались на опасное дело.
Но только обратно, взамен бегунца,
Вьюком привезли бездыханное тело
Сраженного пулей злодея-отца.
Недаром в горах говорили в ту пору:

«Кокпашева пуля точнее, чем глаз!
Позарился вор на поживу у вора —
Да вот и нарвался на пулю как раз».
Сдвигал собеседник мой сивые брови:
«К чему, — говорил он, — рассказ я веду?
Карымов Саду — он карымовой крови,
Но разве похож на Карыма Саду?»

3

А вечер я провел под кровом дома,
Под шелест яблонь за окном, в саду,
В гостях у коммуниста, агронома —
Товарища Карымова Саду.
Мы вспоминали детство — и смеялись
С непозабытой детской простотой
Над тем, как мы отчаянно боялись
Уединенной коновязи той.
«Там, — говорили бабушки с базара,
Нас матерински глядя по плечам, —
Худое место: черти Атпазара
Там жгут огонь и пляшут по ночам!»
Мы приходили с плетью на рассвете
И коновязь хлестали час подряд:
«Боятся черти только конской плети», —
Так, мы слыхали, люди говорят.
И настегав, казалось, их до смерти,
Кругом бродили храбро допоздна.
Простите, черти, мы не знали, черти,
Что коновязь — не тем была страшна!

На запад вал войны катился,
 Уже к Варшаве подходил.
 Саду сиял, Саду гордился:
 — Отец мой — храбрый командир!
 Смотри, опять прислал нам сахар!
 Военный сахар! Из пайка...
 И я, слюну глотая, ахал
 При виде белого куска.

А мой — не дрался в обороне,
 Не бил в атаке по врагу!
 А мой — давным-давно схоронен
 На мирном кладбище в логу.
 Над мирным кладбищем, над логом
 Гуляют ветры и дожди.
 Отец — в таком краю далеко,
 Откуда сахару — не жди.
 Почтарь с гостинцами в пакете
 Не переступит наш порог...
 И мне казалось, что на свете
 Я бесконечно одинок.
 А друг Саду — умел он, что ли,
 Как взрослый, в душу заглянуть? —
 Спешил кулак мне протянуть:
 — Бери свою, товарищ, долю —
 И про сестренку не забудь!..

Но как-то со своей кротовьей
 Охоты — мы в поселок шли
 И плач слышали вдали,
 И догадались: это — вдовий.
 В ту пору — вовсе не из книг

Душевный опыт мы имели
И сразу отличить умели
От прочих — первый вдовий крик!
Бегом — домой! А там в печали
Среди двора, полукольцом,
Стояли все односельчане,
И мать Саду, с таким лицом,
Как будто не лицо, а камень,
Шептала что-то, как в бреду...

И не делился больше с нами
«Военным сахаром» Саду.

5

Саду Карымов! Наступает утро.
Мне хорошо в твоём уютном доме,
Но вдаль опять зовет меня дорога.
Пускай теперь читатель наш рассудит:
Карыма внук ты — или сын эпохи?
А малыши твои, которым рано
Еще вставать — кто: правнуки Карыма?
Ужель ему они родней, чем мне?

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОНОВЯЗЬ В УРОЧИЩЕ КЫРЫШКАН

1

Тип-тип-тип — телетайп стучит,
Смотрят окна в синюю тьму.
Рядом древний старик молчит —
Интересно слушать ему.

Я сегодня дома, в тепле,
Но, как пчелы в улей, сюда
Тащат вести о всей земле
Волны радио, провода.

До чего ж этот мир велик!
До чего же серьезен он!
Головой качает старик:
Он — в который раз! — поражен:

«Я, алтаец, алтай-кижи,
Мог ли прежде мечтать о том,
Что однажды в ночной тиши
Целый мир я впущу в свой дом?»

Телетайп затих. В тишине —
Только чуточку помолчи —
Снова, снова слышится мне:
Плачут коновязи в ночи.

«В Кырышкане коновязь есть, —
Говорит седой старина. —
Про бесчестие и про честь
Рассказать могла бы она.

Знаешь, кто поставил ее,
Чьи зарубки на ней видны?
Так запомни слово мое:
В дни гражданской давней войны

Партизаном был боевым
Человек, чье имя — Кылыш.
Ты ведь помнишь его живым,
Ты ведь помнишь, хоть был малыш?

Да и впрямь — как не знать, как не помнить Кылыша!
 Ветеран партизанский, в снегу седины,
 В наш сиротский аил, под замшелую крышу
 Приходил он однажды в начале войны.

Помню, мяса принес — подстрелил, мол, косулю.
 Говорил: все друг другу должны помогать!
 И глаза его вдруг как-то влажно блеснули —
 Лишь на миг...

А потом потускнели опять.

Он сидел у огня, гнул сутулую спину
 (был очаг разгоревшийся ярок и рыж)
 И твердил: — Что-то писем все нету от сына,
 Очень занят, наверно, на фронте Байрыш!
 И звучал его голос все тише и тише,
 И сидел он, и слушал, как пламя шипит,
 Сын мой вырос в седле, сын мой — храбрый джигит!..
 И опять проходили в молчанье минуты,
 И седой партизан был на камень похож.
 — Это ложь! — возражал он внезапно кому-то,
 Отхлебнув араки. — Это гнусная ложь!..
 И звучал его голос все тише и тише,
 Как по крыше — редяющий цокот дождя.
 — Верьте сыну Кылыша и слову Кылыша! —
 Много раз повторил нам старик, уходя.

А слухи шуршали, как мыши,
 Тревожили сельскую тишь:
 — Милиция ищет Байрыша,
 Бежал с поля боя Байрыш...

Мне памятны те разговоры
И лица моих земляков.
Мне памятны

возле конторы
Крестьянские сани.

С боков
Конвойные ружья сжимали,
Суровы, как высшая власть.
— Байрыша, Байрыша поймали!
По улице новость неслась.

К саням (люди так и теснятся!)
Пробился и я наконец.
Хотелось мне видеть, признаться:
Каким он бывает, беглец.

Весь черен, как будто от пыли,
Среди снеговой белизны
Сидел он — и волосы были,
Как волосы женщин, длинные.

А солнце всходило все выше,
Искрился под солнцем снежок.
— Ну, как — верим сыну Кылыша? —
Раздался жестокий смешок...

4

Подошла, заплакав, старуха Янчи:
— Что, Байрыш, молчишь? Ну, молчи, молчи!
Что сказать сегодня ты мог бы мне,
У которой сын погиб на войне?
Так, промолвив, стерла слезы с лица
И — плюнула в лицо беглеца.

Вместе с ним на фронт уходивший Бурза:
— Посмотри,— сказал,— мне, Байрыш, в глаза!
Нас обоих видят вновь земляки,
Только я пришел без правой руки.
Что ж теперь, Байрыш? Что молчишь, Байрыш?
Что ж в глаза мои не глядишь, Байрыш?

И кругом воцарилась жуткая тишь,
Когда к сыну хмуρο шагнул Кылыш.
Никогда он старым таким не бывал!
— Хорошо ли, сын мой, повоевал?
Ты — не сын, ты стыд мой! — сказал, поник
И заплакал — у всех на глазах — старик.

И к саням придвинулась вслед за ним
Молодая в ту пору вдова Бачим:
— Посмотри, бесстыжий, и на меня!
Дома плачет голодная ребятня!
Почему не пришлось тебе, лиходей,
Подавиться мясом коровы моей?..

Знает мир, что мудр мой горный народ,
Далеко умеет глядеть вперед,
Но и самый мудрый из наших людей
Предсказать бы не смог, что в один из дней
Будут сына Кылыша все проклинать,
Недобром дела его поминать:

Как от солнца в пещере лесной Байрыш
Хоронился, будто летучая мышь,
Как тайком бродил по тропам ночным,
Как зарезал корову бедной Бачим,
Как в своей пещере, от страха слеп,
Заворачивал в шкуры краденый хлеб!

Этот хлеб, когда наступила весна,
Пригодился колхозу на семена,
Только это уже разговор иной...
Вновь тот день незабываемый передо мной.
Новый слух прополз в предвечерней мгле:
Старика Кылыша нашли в петле!..

5

И вновь стрекочет телетайпный зал
В приемнике, и под шуршанье ленты
Нам диктор популярно рассказал,
Чего, бастуя, требуют студенты
Во Франции,
 чем Рим живет,
 а мне
Мерещится, что явственно я слышу:
Вдали отсюда, в снежной тишине
Грустит и плачет коновязь Кылыша...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ КОНОВЯЗЬ В УРОЧИЩЕ КАРГЫСТУ

1

Там где скаты гор поголубели,
Где подобны башням шапки елок,
Он лежит, как будто в колыбели,
Мой далекий, маленький поселок.

Утром солнце поздно достигает
Наших мест: хребты в молчанье диком
Застят путь...

И солнцу помогают
Петухи своим усердным криком.

О поселок мой в краю пастушьем!
Чем богат он? Каждому отвечу:
Более всего — людским радушьем,
Красным словом, родниковой речью.

Как занятно сызнава взглядеться
В мир, знакомый мне не понаслышке!
— Чей ты, босоногий? Кто отец твой? —
Выспросить у встречного мальчишки,

Загрустить светло и беспричинно,
Погрузившись в собственные думы...
Носят здесь и шубы из овчины,
Носят и московские костюмы.

Мчится время над родной долиной,
И, бывает, на лесной тропинке
С башмаками выделки старинной
Встретятся парижские ботинки...

2

Я приехал в край мой летом, в полдень золотой,
Лес был зелен, солнце было круглым и большим.
Слышу голос, звонкий голос: — Все — на той, на той!
Все друзья — на свадьбу сына тетушки Бачим!

У Бачим сегодня праздник! Нынче сын привел
В дом невестку!

— А который?

— Средний сын, Орой!

И невольно я ладонью по лицу провел:
День давнишний, незабываемый вновь передо мной.

Потрясенные, мы стоим и молчим,
и в лицо Байрышу кричит Бачим:
«Посмотри, бесстыжий, и на меня!
Дома плачет голодная ребятня!
Почему не пришлось тебе, лиходей,
Подавиться мясом коровы моей?»

Кто Байрыша вспомнит ныне? Может, я один.
А Бачим — людьми любима, радости полна.
Пусть в косе ее блистает серебро седины —
Веселится, свадьбу сына празднует она.

— Где, Бачим, твой старший, летчик? — Вот он,
старший мой:
Прямо с Дальнего Востока прибыл нынче в ночь!
— Дочка где? — Из Барнаула в отчий дом родной
Только что на свадьбу к брату прилетела дочь!
Мы приветствуем на свадьбе всех детей Бачим,
Новобрачным пожеланья весело кричим.
Пар от конского дыханья — на дворе Бачим,
Эlegantная машина — у ворот Бачим.

Всех встречает, угощает, весела Бачим.
С плеч сегодня все печали сбросьте — у Бачим!
Шутники и острословы — вокруг стола Бачим,
Судурчи — пророки то есть, — гости у Бачим.

Им предсказывать худое в этот день нельзя!
Песня радости и счастья рвется на простор:
«Как не встретиться, покуда живы мы, друзья?
Как не встретиться, ведь мы же — не вершины гор!»

До утра сегодня, видно, мы не замолчим,
Станут песни друг за другом литься, как одна.

И светла, как месяц ясный, тетушка Бачим,
Ясным солнышком сияет юная жена.

И звучит алтайская свадебная:

«Твой аил, чья дверь, как луна,
Шелка золотом — да украсится.
Молодая твоя жена
Золотым умом — да прославится...»

3

А старухи между тем за кругом круг
По путям воспоминания торят.
— До твоей счастливой свадьбы, милый внук,
Мы дожить мечтали разве? — говорят. —
Нелегко нам жизнь хорошая далась,
Но печалью праздник ваш не омрачим...
— Веселимся, значит, живы, — всем, смеясь,
Отвечает захмелевшая Бачим.

Вкруг нее шумит-поет веселый той.
И, отпив глоток, как правило велит,
Кто-то чарку подает ей — чоочой:
— Вдвое слаще то, что делишь, — говорит.

4

Веселитесь, тетушка Бачим,
Забывайте горести былые —
Мы за вас про них не позабудем:
Как весной ходили вы за плугом,
Как дрова колоть вы нанимались,
Как, бывало, вы копали в согре

Когозин — съедобный дикий корень...
Низко-низко кланялись земле вы,
Чтобы дети полететь могли!

5

Длится той, далек его конец,
И чуть-чуть кружится голова.
— Посмотрел бы на детей отец! —
Чьи-то в шуме слышатся слова.

...Муж Бачим, по имени Кочкор,
Пас коней на склонах Каргысту.
Был своим он у окрестных гор,
Покорял любую высоту.

И коней бесстрашно объезжал,
Плетью по-пустому не гоня:
Словно человека, уважал,
Понимал хорошего коня.

Самых диких, бешеных коней,
Что земли не тронут на лету,
Он, Кочкор, привязывал к своей
Коновязи — там, на Каргысту!

Ездил он по кромкам облаков,
Прикасался к вольной синеве.
Но у самых дерзких смельчаков
Смерть, как говорится, в рукаве.

Он, Кочкор, коней не обижал:
Плетью по-пустому не гоня,
Самых непокорных объезжал,
А погиб — от смиренного коня.

Было так: в горах, у ручейка
Выпорхнула птица из-под ног,
Прянул конь,— и, сбросив седока,
За собой по склону поволок.

Обезумев, с гор пустился вниз,
Встал, дрожа, где коновязь ждала...
Дочь Кочкора, крошка Карагыс
В колыбельке в этот миг спала.

6

Память ушедшим, живое — живи,
Радость — умножься, а горести — прочь!
Песня особая, песня любви
Будет звенеть в эту лунную ночь:

«Дымкой окутанный, дивный Алтай,
Лис твоих шубы на шубу нам дай!
В аиле, где светит луна в дымоход,
Невестке родня две косы заплетет.
Светлыми реками, славный Алтай,
Мягкую выдру на шапку нам дай!
В аиле, где жарок очаг допоздна,
Нам сварит еду молодая жена».

7

Ах, когда бы впрямь был жив Кочкор,
Он с детьми завел бы разговор.
Он Ороя, сына, бы спросил:
— Много ль трав ты нынче накосил?
Объясни-ка, сын,— отец поймет:
Что за штука это — стогомет?

Прижимистому русскому торговцу!..
Да, я — алтаец! Но — другой эпохи:
Я приходил под своды Мавзолея
И с Лениным великим говорил,
Я провожал в последний путь Хикмета...
Но, колеся по Горному Алтаю,
Я слышу голос коновязей старых:
— Куда исчезло Прошлое?..

Потомок,
Я воду пью из тех же родников,
К которым прежде предки припадали,
Я солью соль зову и хлебом — хлеб,
«Весна пришла!» — я радуюсь, как предки,
«Настала осень!» — я грущу, как предки.
Но предки смелые мои не знали
Того, что знаю я: что будет можно
За время перекура и за время,
Пока вскипает чайник на костре,
Живую жизнь стереть с лица планеты!
Все это — мне понять и побороть.
...Мое лицо и глаз моих разрез —
Такие ж, как у предков. Я — алтаец.
Что ж значит «быть собою» для меня?
Быть сыном гор моих — и сыном века:
Когда я сыном Времени не буду —
Моим горам, тем самым, изменю,
Когда ж забуду вас, родные горы —
Тогда и веку стану я чужим.
Об этом я писал. Об этом — думал.

КАРАНА

Поэма-очерк

Гляжу на снег большой и ранний —
И видится Алтай родной,
И я дышу его дыханьем,
Иду знакомой стороной.

Стоянка, что лежит далече,
Вдруг приближается сама,
И мне слышны родные речи
Про сенокосы и корма.

И отдается в сердце болью
Скрип проезжающих саней,
И, как туман по чисту полю,
Восходит пар с боков коней...

Мне холодно сегодня, словно
На сердце выпали снега.
Та ночь,
Тот бой
И та победа,—
В ней ваша жизнь видна до дна.
Вы разрешите мне поведать
Об этой ночи, Карана?

1

Солнце высунуло ухо
Над холодной степью старой.
От стоянки утром рано
Карана идет с отарой.

Ослабевшие овечки
Остаются у стоянки
И помощница, а с нею
Шестилетний сын чабанки.

Что за день сегодня будет —
Что за травы, что за тропы?
Думает и, дернув повод,
Карана коня торопит.

И рассыпались в ложбине
Овцы мирным полукружьем,
Бьют копытами, взбираясь
По холмам — горбам верблюжьем.

Над просторами степными
Кружит снежная шутиха...
— Пережить бы эту зиму, —
Говорит чабанка тихо.

* * *

Над склоном дальним и слепым
Нависли тучи. Вечер.
И в глубине глухой степи
Проснулся снежный ветер.

Еще он слаб, еще щенок,
Но цепь грызет уже.
Чабанка чувствует давно
Тревогу на душе.

И думает она: «Пора.
Погоду не унять.

Отару надо собирать,
К стоянке отгонять».

Бессильна плеть,
Бессилен крик,
Бессильна Карана.
Отара слушает язык
Ветров, ему верна.

Уж степь рокошет и гудит,
Хохочет ураган.
Бредет отара.
Позади — бурлящие снега.

Ни рядом где-то,
Ни вдали
На этом свете нет
Ни звезд,
Ни неба,
Ни земли —
Есть злой и черный снег.

То прямо в грудь,
То стороной
Летит слепая мгла.
И полы шубы за спиной,
Как тяжких два крыла.

Но нет, она не упадет,
Она к коню прильнет.
А гривы нет — есть только лед,
Холодный ломкий лед.

Бойтся холода луна.
Луны на небе нет.

Чабанке чудится — она
Торит по тучам след.
Но тонут торные следы...

Вдруг вспомнила: «Булат!»
Как две полночные звезды
Его веселый взгляд.

За что одной,
Зачем одной
Погинуть тут, в степи?
Уйти к кровиночке родной,
Уйти и жизнь спасти...

Уйти?
Засыплет стадо снег.
Уйти. И что тогда?
Ведь дело общее у всех
И общая беда...

А где-то в дальних городах
Не ведают о ней.
Дома и улицы в цветах
Неоновых огней.

И вальсы нежные звучат,
Теряя берега,
И платья белые девчат
Кружатся, как пурга.

И там, далёко-далеко,
Почти у самых звезд
Ее ровесница легко
Любимого зовет.

И где-то юная душа,
Ночь не смыкая глаз,
Взахлеб читает, не дыша,
О подвигах рассказ.

А здесь летит слепая мгла.
Тут степь.
И ты — одна...

Жизнь так неласкова была
С тобою, Карана...

...Без отца, без матери
Выросла она.
Травы непримятые,
Полная луна,
Зори над аилами,
Неба синь и гладь —
Не заменят милую,
Ласковую мать.

Эти горы синие,
Степи без конца —
Не заменят сильного
Доброго отца.

Потому и плачется,
И несладко жить.
Мачеха есть мачеха.
Что и говорить.

С мачехою старою
Скот она пасет,
Ходит за отарою,
Зной ее печет.

От весны до осени
До свету встает.
Моют травы росные
Ноженьки ее.

От недоброй женщины —
Старой и больной —
Окрики, затрешины
Дочке неродной.

А кому поплачешься,
Скажешь, что беда?
Убежать от мачехи?
А бежать — куда?

В травах под закатами
Мирно стадо спит.
Карана с ягнятами
Тихо говорит.

Смотрит с нетерпением
В степь из-под руки —
Где же там осенние
Светлые деньки...
И почти не верится,
Что они придут.
В школе очень весело.
В школе,
Там не быют...

Лето осень поборол,
Лес все реже и желтей.
И летит девчонка в школу,
Словно птичка из сетей.

Стронет сонную корову
С места теплого тайком,
Постоит в тепле и снова
В синий холод
Босиком.

Среди ветра ледяного
В школу так она и шла —
От коровы до коровы,
От тепла и до тепла.

2

Бушует буря, воеет зло,
Метет, и рвет, и ломит.
Помощница бежит в село,
Закрыв Булата в доме.

Помощница лишила сна
Село в лихую ночь.
— В степи с отарой Карана!
Одна осталась Карана!
Спешите ей помочь!

Мурлычет кот,
Коту тепло.
Уснул малыш Булат.
Он видит дальнее село
И школу-интернат.

«Ребенок плачет и растет
Ягненок плачет и растет»...
Пусть год пройдет.
Второй пройдет —
Булат батыром будет.

От гор до северных снегов
Он сможет прошагать.
Ну, а куда для него
Все в мире — Кош-Агач...

* * *

Улеглась, утихла буря.
Ураган в степи угас.
Месяц молодой прищурил
Свой раскосый желтый глаз.

От села,
Спеша на помощь,
От тепла и от огней
Люди окунулись в полночь
И пришпорили коней.

И во всей степи великой,
Что раскинулась, нема,
От огней, копыт и криков
Разлетелась в клочья тьма.

Седоки во мглу глядели—
Где чабанка! Где она!
Не в Монгольские ли земли
Ураган ее загнал?
След заметить невозможно —
Замела следы пурга.

Степь.
От факелов тревожных
Стали красными снега.

О, всеильная власть,
 Зов суровых земель,
 Где она родилась,
 Где ее колыбель!

Ветры вечно поют,
 Степи вольные спят,
 И аилы плывут,
 Словно лебеди, в ряд.
 Вдалеке от столиц —
 Стойбищ сладостный дым.
 Молоко кобылиц
 Пахнет солнцем самим.

Карана, Карана...
 Здесь любила она,
 Горевала она,
 Кочевала она.

Степь, раздолье твое,
 Непростое житье,
 Стало долей ее.
 Стало кровью ее.

Даль родной стороны.
 Жизнь родной стороны,
 Ты — любовь Караны,
 Ты — беда Караны.

Где дороги,
Где тропинки,
Как вернуться ей назад?
Тихо конь бредет,
И льдинки
На ногах его звенят.

Даль пуста, необозрима,
Холодна и глубока.
Улеглась отара, зиму
Подминая под бока...

Неужели так и сгинуть
Посреди степи пустой?
Сирота она,
И сыну
Жить придется сиротой?

...Словно плетью всех схлестнули —
Овцы в кучу,
Конь дрожит.
Вдалеке огни блеснули,
Как холодные ножи.

Неужели оборвется
Жизнь нелегкая твоя?
Крикнуть?
Степь не отзовется.
Выстрелить бы — нет ружья.

Ближе,
Ближе, волчья стая,

Тенью черною ползет.
Ночь пустая. Степь пустая.
Кто поможет? Кто спасет?

«Дыма волк степной боится»,—
Вдруг припомнила она.
Меховую рукавицу
Зажигает Карана!

Не уходит стая.
Села.
Дым волков остановил.
Что же делать?
Что же делать?
Даже крикнуть нету сил.

Месяц поспешил укрыться.
На беду смотреть не мог.

Догорели рукавицы.
Карана сняла платок.

Ярче пламенного мака
Он горит среди зимы.
Человек
Сильнее мрака.
Человек
Сильнее тьмы.

Жить,
А значит — не сдаваться,
Наступать, а не бежать.
Жить —
Спасать, а не спасаться,
Умирая — побеждать.

Над кровавыми снегами,
Изо всех веков видна,
Посреди степи, как знамя,
Полыхает Карана!

Сколько времени — недели пролетели
Или дни?

Карана очнулась.

Поле.

И огни, огни, огни...

В самом деле или снится

И качается, как бред,

Эта белая больница,

Эти лица, этот свет?

Белая плывет палата

По степи

Среди огней,

И глаза ее Булата

Улыбаются над ней...

* * *

Здравствуйте, Карана!

На ваших висках —

Снег той ночи.

На ордене —

Свет огня,

Пылавшего среди степи...

Рассказал о вас и счастлив,

Что говорю с вами на одном языке,

Хожу с вами по одной земле...

Здравствуйте, Карана!

УЛЫБКА

Случается:

ты ошибся —

и этому сам не рад.

Случается: ты ушибся —

и в этом сам виноват,

О твердый угол эпохи

жестоко

локоть обжег...

И вот, работу закончив,

друзья собрались в кружок.

Они тебя обсуждают,

как ты обсуждал других,

Они тебя осуждают,

как ты осуждал других,

Они на тебя взирают,

безгрешны, светлы, чисты,

Они похожи на солнце

в сиянии правоты,

Они безупречно правы —

ты с этим согласен сам,

Они похожи на солнце —

и больно смотреть глазам!

И если ты свой характер,

гордясь, железным считал —

Он плавиться начинает,

упрямый этот металл.

Он плавиться начинает

на жарком огне таком:

Со лба тяжелая капля

падает на протокол!

И сразу, словно преданья

давно отошедших лет,

Все доводы, оправдания
 Ты попросту беззащитен,
 Ты — словно в горах ягненок,
 Стоишь на скрещеньи взглядов —
 ...Ты пишешь стихи ночами.
 А нынче из всех запасов
 Не слишком складная фраза:
 Стемнело.
 Звезды над городом
 Подписаны протоколы.
 И говор их оживленный
 Они бесконечно правы.
 В добре и зле досконально
 И всячески частным, личным чувствам
 Куда же теперь?
 Туда, где четыре глаза,
 Ты в дверь стучишь — за дверью

растают — пропал и след,
 ты сник, побледнел и стих,
 отбившийся от своих!
 и каждый, как штык, суров.
 Ты знаешь тысячи слов,
 осталась тебе одна
 «Простите, моя вина...»
 горят, смеясь и дразня.
 Ушли по домам друзья.
 вдали, отзвонев, умолк.
 Они исполнили долг.
 и честно разобрались
 не поддались...
 Скорее
 домой, где печка тепла,
 четыре своих угла.
 слышится тишина,

Безмолвная, на пороге
тебя встречает жена.
Чем этакое молчанье,
уж лучше была б гроза!
Молчат, будто слиплись, губы.
Жестоко молчат глаза.
Молчат, обескрылев, плечи.
Молчит и молчит жена,
Как будто воздвиглась в воздухе
невидимая стена.
Куда же сердцу приткнуться?
Где обрести причал?
И вдруг в колыбельке
лепет ребяческий зазвучал.
Проснулся твой сын!
Улыбкой во всю ширину лица
Встречает он, несмышлениш,
тебя, своего отца.
Он тянется из пеленок,
словно цветок из трав,
К тебе —
и знать не желает,
виновен ты или прав,
Спокоен или взволнован,
силен или сломлен ты...
Он рвется к тебе,
он полон доверья и теплоты!
...И голову над кроватью
усталую преклоня,
Я чувствую наконец-то,
что жизнь прощает меня,
Что можно начать сначала,
новую взяв тетрадь,

Раздумывать, ошибаться,
искать, находить, терять —
И вновь приходить к истоку!
Спасибо тебе, сынок!
Ты вряд ли понять сумеешь,
как здорово мне помог.
Ты чмокаешь, засыпая,
беззубым и нежным ртом...
Сегодня не понимаешь —
неважно, поймешь потом!

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Укачин, его родина и его поэзия. *Б. Слуцкий* 3

Стихи

Утро моей поэзии. *Перевод И. Фонякова* 7

«Я — горного кедра колючая ветка!..» *Перевод*
И. Фонякова 10

Путь язычника-алтайца. *Перевод И. Фонякова* 12

Рожденные весной. *Перевод И. Фонякова* 13

Свобода. *Перевод Н. Горбаневской* 15

Старик. *Перевод И. Фонякова* 18

Ночь в горах. *Перевод И. Фонякова* 20

«Мой Алтай! Поклон тебе от сына!..» *Перевод*
И. Фонякова 22

Москва. *Перевод Б. Слуцкого* 24

Время и люди. *Перевод Б. Слуцкого* 26

Сын учится говорить. *Перевод Б. Слуцкого* 29

Сын возвращается из школы. *Перевод Б. Слуцкого* 31

Весенняя ночь. *Перевод Б. Слуцкого* 33

Земля. *Перевод И. Фонякова* 34

Обожженные, но не павшие деревья. *Перевод*
Н. Горбаневской 36

День пастуха. *Перевод Б. Слуцкого* 37

У могилы Толстого. *Перевод Б. Слуцкого* 40

Моя родина. *Перевод Б. Слуцкого* 41

«Во сне...» *Перевод Б. Слуцкого* 45

Осенью. Перевод Б. Слуцкого	47
«Мама, у каждого человека...» Перевод Б. Слуцкого	49
«Я падал много раз...» Перевод Б. Слуцкого	50
Свети. Перевод Б. Слуцкого	51
Женщина ждет ребенка. Перевод Б. Слуцкого	53
Мычит белая корова. Перевод Б. Слуцкого	56
Темит, Темит... Перевод Б. Слуцкого	58
Рассказ охотника. Перевод Б. Слуцкого	63
Гроза над далекой стоянкой. Перевод Б. Слуцкого	66
«Годы долгие дома родимого я не видал...» Перевод Б. Слуцкого	69
Домой хочу! Перевод Н. Горбаневской	71
Голубой цветок. Перевод И. Фонякова	73
Стихи о коне. Перевод И. Фонякова	75
«На тебя загляделся Алтай...» Перевод И. Фонякова	77
Утро. Перевод И. Фонякова	79
Кадын-Бажи. Перевод И. Фонякова	80
Весенний снег. Перевод И. Фонякова	81
Ты родилась в горах. Перевод И. Фонякова	83
«Осень...» Перевод И. Фонякова	84
«Вблизи села, в кладбищенском логоу...» Перевод И. Фонякова	85
«Не сомневаюсь: если...» Перевод И. Фонякова	86
«Душе всегда...» Перевод И. Фонякова	88
У колыбели сына. Перевод И. Фонякова	90
Черемуха. Перевод И. Фонякова	93
«Раз проснулся я: луна...» Перевод И. Фонякова	94

«Дремлет мир под звездами большими...» <i>Перевод</i> <i>И. Фонякова</i>	95
«По долинам шла весна разведкой...» <i>Перевод</i> <i>И. Фонякова</i>	96
«Лишь смежу от усталости взгляд...» <i>Перевод</i> <i>И. Фонякова</i>	97
«Женщина расчесывалась на ночь...» <i>Перевод</i> <i>И. Фонякова</i>	98
«В сердцах алтайских женщин...» <i>Перевод Н. Гор-</i> <i>баневской</i>	99

П о э м ы

Характеры. <i>Перевод И. Фонякова</i>	101
Коновязи. <i>Перевод И. Фонякова</i>	105
Карана. <i>Перевод А. Плитченко</i>	125
Улыбка. <i>Перевод И. Фонякова</i>	137

Борис Укачинович Укачин
ВЕТКА ГОРНОГО КЕДРА

Редактор *Т. Петелина*
Художник *Е. Пермяков*
Худ. редактор *Е. Николаева*
Технич. редактор *Л. Беседина*
Корректор *З. Дименштейн*

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подп. в печать 7/VI-74 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,12. Изд. инд. ЛХП-373. А09229. Тираж 10.000 экз. Цена 49 коп. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, д. 13/15

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли г. Электросталь Московской
области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ 2231.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

И. К. Зак. 2935. Тир. 80 млн.

37-00

49-Коп

СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ

